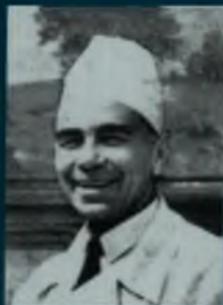
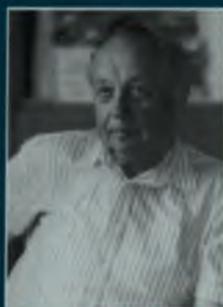

К 34.5
Г 83
К-62669

**НИКОЛАЙ
ГРИГОРЬЕВ**

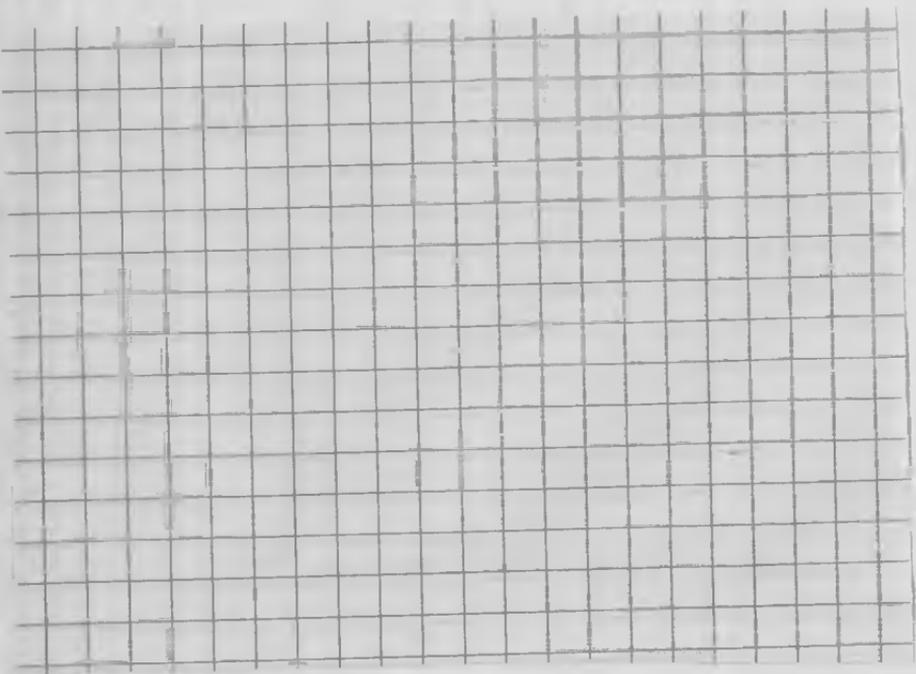
**МОИ ДОРОГИЕ
УЧИТЕЛЯ**

ациональная библиотека

k-062669

О. 13а. К. 111 К54.5
Г83

Николай ГРИГОРЬЕВ

шр
**МОИ ДОРОГИЕ
УЧИТЕЛЯ**

**Чебоксары
2012**

УДК 61
ББК 5
Г 83

Григорьев Н.Г.

МОИ ДОРОГИЕ УЧИТЕЛЯ. — Чебоксары, 2012. —
168 с.

В книге «Мои дорогие учителя» автор вспоминает своих школьных учителей, а также хирургов, профессоров и академиков в области хирургии и науки, описывает их жизнь и деятельность.

Проверено 17 АПР 2017

K-62669

Национальная библиотека
Чувашской Республики

© Григорьев Н.Г., 2012

ОТ АВТОРА

Чем больше живет человек на свете, тем больше появляется у него ностальгии по своей юности. Он начинает анализировать свой жизненный путь: правильно ли живет, что оставляет после себя своим наследникам и обществу. Здесь и я был не исключением.

Вся моя жизнь, начиная с первого класса, кончая средней школой, институт, клиническая ординатура по хирургии, послеинститутские усовершенствования и стажировки, научная работа, а также 15-летняя служба министром здравоохранения, десятилетняя — главным хирургом Минздрава республики и двадцатилетняя педагогическая деятельность в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова протекали рядом с моими учителями, и их жизнь и деятельность в какой-то степени отражали и мою. Поэтому я в своей книге «Мои дорогие учителя» решил рассказать о них и описать их жизненную и творческую деятельность, то есть оставить добрую память о них. Это — моя первая учительница начальных классов Новомамеевской семилетней школы Канашского района Елена Трифоновна Трифонова, учительница Вутабосинской семилетней школы по чувашскому языку и литературе Галина Ефимовна Ефимова, учительница Янгличинской средней школы по истории — инвалид Отечественной войны, директор Янгличинской средней школы Василий Фомич Чернов, учительница русского языка и литературы этой же школы Тамара Ивановна Чернова, учитель географии Юрий Андреевич Васильев, учительница математики Нина Федоровна Федорова, учительница немецкого языка Зоя Васильевна Мурзукова, физик-фронтовик Николай Ефремович Ефремов, учительница чувашского языка и лите-

ратуры Елена Ефимовна Соловьева и другие. А по институту — профессора хирургии, заведующие кафедрами: общей хирургии — Владимир Николаевич Шубин, факультетской хирургии — Сергей Михайлович Алексеев, позднее — профессор Иван Федорович Харитонов, госпитальной хирургии — Николай Владимирович Соколов, заведующий кафедрой госпитальной хирургии I Ленинградского медицинского института, академик Федор Григорьевич Углов, заведующий кафедрой госпитальной хирургии Горьковского медицинского института, академик Борис Алексеевич Королев, заведующий кафедрой факультетской хирургии Московского медицинского института, академик, главный хирург Министерства здравоохранения Российской Федерации Виктор Сергеевич Савельев, академик, главный хирург Советской Армии Александр Александрович Вишневский, академик, нейроморфолог Вадим Николаевич Швалев.

Вот об этих учителях, профессорах и академиках, об их жизни и деятельности хочу рассказать в своей книге «Мои дорогие учителя».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Энциклопедия Советского Союза (1988) определяет: «Учитель — это специалист, осуществляющий воспитание, обучение подрастающего поколения в общеобразовательных школах». А лица, ведущие практическую работу по воспитанию, образованию и обучению детей и молодежи, имеющих специальную подготовку в этой области (учитель общеобразовательной школы, преподаватель профтехучилища, средних специальных учебных заведений, ученые, разрабатывающие теоретические проблемы педагогики и др.), называются педагогами (от греческого слова «paidagogos»). Учителя и педагоги готовятся в педагогических институтах и училищах (ранее учительские институты). Первый учительский институт в России был открыт в 1817 году в Санкт-Петербурге. В 1950 году такие институты в России были преобразованы в педагогические училища.

В Чувашии первый государственный педагогический институт был открыт в Чебоксарах в 1930 году, которому в 1958 году было присвоено имя чувашского просветителя И.Я. Яковлева (с 1998 года — университет им. И.Я. Яковлева).

Только за 70 лет из его стен было выпущено более 40 тысяч учителей, в т.ч. и мои школьные учителя.

Глава 1. МОИ ШКОЛЬНЫЕ УЧИТЕЛЯ

В холодные и голодные годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) отец воевал на фронте. Мы с нетерпением ждали почтальонку, которая разносила тогда в основном письма. Вся деревня собиралась чаще всего у околицы в ожидании маленькой хрупкой женщины с тяжелой сумкой на плече. Получив заветный треугольник, мамыши с детьми отходили в сторону и читали сообщения с фронта.

Я как-то заметил, что почтальонка в последнюю очередь с неохотой доставала из сумки другую пачку писем. Это были письма в конверте. Получив такой конверт, женщины их тут же открывали и над толпой раздавался душераздирающий крик-плач. Все женщины сбегались к плачущей. Многие ее обнимали и начинали плакать вместе с ней, а кто-то бегал за водой.

Это были извещения о героически погибших муже или сыне, или о без вести пропавших. Этих извещений было очень много, особенно в 1941—1942 годах. За годы войны из д. Кайăкъяль погибло 49 человек из 67 мобилизованных на фронт. И нам, детям, было трудно удержаться от слез, мы плакали вместе с матерями. И почтальонка тоже вытирала слезы. Но ей надо было идти дальше, и она, вытирая слезы и поправив сумку на спине, шагала по улице, раздавая треугольники и конверты.

Постепенно толпа людей расходилась по домам.

Хорошо помню осень 1942 года, когда всей семьей мы слушали письмо папы и также плакали. Письмо читала моя старшая сестра Рая. Другие из нас читать не умели. Когда Рая читала, мы прислушивались к каждому ее слову. Нам хотелось как можно быстрее узнать об отце, узнать, как он там воюет. Отец в каждом своем письме

**Мать Семенова Ольга Кондратьевна
и отец Семенов Григорий Семенович, д. Кайăкъяль. 1953 г.**

находил нужные для нас ласковые слова. Он всегда выражал свою любовь к нам, конечно, в первую очередь, маме. О себе писал просто: идет война жестокая, но мы живы и здоровы. Обо мне не беспокойтесь. В каждом письме не забывал наказывать мне и сестре Рае, чтобы мы помогали маме по хозяйству.

Сестра Рая, вроде бы, и заканчивает читать папино письмо, но нет его обычных последних слов. И вдруг она как бы начинает читать письмо заново: «Моя дорогая Оленька (он всегда маму называл так) и мои любимые дети (писал он на чувашском языке), не огорчайтесь и не расстраивайтесь. Мои обе ноги перебили снарядом немцы, и я лежу в госпитале в г. Могилев вот уже месяц. Хирурги хорошие, обещают мои ноги сохранить. Вскоре поправлюсь и вернусь домой. Ждите».

Но этого не случилось. Отца лечили в течение шести месяцев и отправили вновь воевать на фронт. Истину о происшедшем мы узнали лишь после войны — в 1946 году, с возвращением отца с фронта. Вот что он нам рассказал: «В начале я служил маскировщиком и сапером под Сталинградом, затем мы вошли в состав третьего Украинского фронта под командованием генерал-пол-

**Отец Г.С. Семенов рядовой охранной роты штаба
3-го Украинского фронта на посту № 1 — в кабинете
главнокомандующего 3-м Украинским фронтом
генерала-полковника (позднее маршала Советского Союза)
Федора Ивановича Толбухина. 1943 г.**

ковника, истинного и преданного стране патриота Федора Ивановича Толбухина. Вскоре меня взяли в охранную роту штаба этого фронта. Моим местом охраны определили пост № 1 — это в рабочем кабинете генерала Ф.И. Толбухина. Во время одного из отступлений третьего Украинского фронта и его штаба в нашу машину со штабными документами попал немецкий снаряд и разорвался. А мы — пятеро охранников с автоматами сидели в этой машине. Помню лишь сильный взрыв. Далее ничего. Меня из завала освободили санитары, доставили в медсанбат, а затем в госпиталь. В сознание пришел лишь в госпитале. В штабе считали, что из нас в живых никто не остался. Действительно, других четверых моих товарищей и водителя автомашины так и не нашли. Земной поклон моим спасителям в то время, санитарам. Мои ноги были так перебиты, что хирурги предложили ампутировать обе ноги. Но я им сказал: «У меня дома четверо маленьких детей. Мне лучше умереть, чем остаться без обеих ног и мучить жену и детей всю жизнь. Умру, но не дам отнять ноги». Вероятно, хирурги пожалели меня и моих детей. Шесть месяцев боролись за мои ноги, и я выздоровел, остался со своими ногами, а не с деревянными. Думал, после госпиталя меня демобилизуют и отправят домой. Нет. Направили в резервный полк, расположенный недалеко от госпиталя. По пути в свою новую часть случайно встретил меня мой командир, узнал и забрал с собой в охранную роту на свое место № 1, а на направлении в резервный полк поставил свою подпись и попросил моего товарища передать его командиру резервного полка. Так мне повезло и до конца войны я был рядом с генералом Ф.И. Толбухиным, настоящим преданным патриотом Отчизны и душевным человеком». Далее продолжил: «Я был очень счастлив, что мой генерал Федор Иванович вскоре, т.е. в 1944 году, получил высокое воинское звание маршала Советского Союза. К большому сожалению, Ф.И. Толбухин после войны прожил недолго. Его измотанное войной сердце, по ночам он не спал, а дремал в кресле лишь 15—20 мин. в сутки,

в 1949 году перестает биться. Я кланяюсь ему». Федор Иванович после войны жил недолго. Умер на 55 году жизни. В 1965 году ему посмертно присваивают звание Героя Советского Союза. Посетив в начале 80-х годов XX столетия Болгарию, я побывал в городе, в центре которого величаво стоит памятник Ф.И. Толбухину, который командовал 3-м Украинским фронтом при освобождении Болгарии от немецкой оккупации в 1944 году. Город носит имя Ф.И. Толбухина.

Конечно, тяжело было нам, особенно тогда, когда отца лечили в госпитале. Нас беспокоил долгий срок его лечения. И в каждом письме мы его спрашивали: «Как с ногами, не болят ли они?» А отец нас всегда успокаивал: «Все идет на поправку. Хирурги надеются на лучшее». Это нас как-то успокаивало. Мы с сестрой Раей очень старались помочь маме, как просил папа. Помогали ей по хозяйству, а я, несколько повзрослев, ходил на уборку зерновых в колхоз. Быстро освоил серп. Правда, не обошлось без пореза левой руки, что меня сильно напугало. Ведь рана была длиной более 3 см и сильно кровоточила. А сейчас этот рубец показываю внукам и горжусь. В возрасте 7—8 лет я мог помочь маме в колхозном поле: бороновать, а затем ходить и за зерновым плугом однорезцовым.

Особенно трудно было в первые годы войны — в 1941—1942. Тогда на улице стояли страшные морозы, минус 40—41°C, да в деревне свирепствовал голод. Бывало, умирали люди. Помню от голода набух мой сверстник Данилов Коля 10 лет и умер.

Запомнился сентябрь 1942 года. К нам приехал из д. Новые Мамеи мой дедушка по матери Кондратий с мешком, точнее рюкзаком на спине, наполненным чем-то. Зашел в дом, и в первую очередь снял рюкзак и, устало положив его на пол, произнес: «Улька, с̄ан̄ах илсе килт̄ем. Ачусене с̄итерме те сан̄ан ним̄ен те с̄ук пуль» (Оля, я муку принес, у тебя, наверное, и детей накормить нечем). Мать дедушку и нас — детей, накормила картошкой, а затем так разговорились, что на улице стемнело. Дедушка решил остаться ночевать у нас. Мы этому очень

обрадовались. Мать зажгла пятилинейную керосиновую лампу. Это была одна из маленьких имеющихся керосиновых ламп. Сестра Рая села за стол и начала готовить уроки. Мы с Валею любовались, как она пишет красиво и читает по слогам. Дедушка сел на длинную скамейку поближе к столу. А потом подсел ближе ко мне и спрашивает: «Ты, Коля, уже все уроки сделал?» Я ему: «Я в школу не хожу». Дедушка, всегда сдержанный и молчаливый, повернул голову в сторону мамы. Мама поняла его беспокойство из-за того, что я до сих пор не хожу в школу. Чувствуя себя в чем-то виноватой, начала объяснять дедушке: «Как началась война, мужиков забрали на фронт. Начался в деревне голод, да зима морозная сковывала все. Нельзя было выйти на улицу. У детей сопли моментально превращались в сосульки. Да и школа у нас лишь в соседнем селе. Из нашей деревни в прошлом году в первый класс никто не пошел. Никто не думал о школе. Надо было детей накормить и сохранить от простуды. Одеть детей и защитить от таких морозов было нечем. Лишь Рае сумела справиться телогрейку и поношенные валенки. Летом в деревню пришло много солдат-новобранцев для боевой подготовки. В каждый дом разместили по 6—8 солдат. В нашем доме разместили трех командиров. Спать было негде. А нас еще было пятеро. Двоих мать устроила на кровати, одного — на длинной скамейке, а сами расположились на полу на соломенном матрасе. Вместо подушки использовали старую зимнюю одежду».

Дедушка встал, молча прошелся по комнате, подошел ко мне, погладил по головке ладонью и произнес: «Оля, ачан вёренес пулать. Ун пуласлэхё пысак» (Оля, ребенку надо учиться. У него большое будущее).

На улице темно. Все легли спать. А мне не спится. В голове кружились разные мысли. Подумал: «Неужели дедушка решил меня взять с собой в Новые Мамеи? Если так, то как я буду там жить? Ведь у дедушки и без меня семья большая: бабушка Васса, две дочери — Марфа и Зоя, а трое сыновей — Поликарп, Ларион и Андрей — на фронте. На Андрея они давно получили извещение

как о без вести пропавшем, а дяди Поликарп и Илларион получили ранения и находились на излечении в госпитале. С другой стороны, подумал я, как я буду учиться? Ведь мне уже скоро 9 лет, а я ничего не знаю». Мама тоже не спала. Все ворочилась. Я знал, что у бабушки мне будет жить значительно легче. Он же работал мельником колхозной ветряной мельницы. Да имел корову. Но не давала покоя мысль: «А как же? Я буду жить в достатке, а мои сестры Рая и Валя, брат Саша как?» Все это мучило меня, но бабушкины слова: «Ребенку надо учиться. У него большое будущее» не выходили из головы. И решил твердо, что надо ехать с бабушкой и учиться. И задремал.

Проснулся утром от разговора мамы с бабушкой Кондратием. Но о чем они говорили, не запомнил. Мама уже затопила печь и готовила завтрак. Ей помогала сестра Рая, которой уже было 12 лет.

Бабушка вышел во двор. Я насторожился. Подумал: не уедет ли бабушка без меня? Ошибся. Он зашел. Похвалил меня, что двор содержи в порядке, и сказал: «Коля, потихонечку собирайся. Нам надо идти долго. Хорошо бы до захода солнца добраться до дома». Встали Саша и Валя. Мама уже сварила постный суп из картошки, капусты и моркови, заправив его морковными листьями, что кроме нее в деревне никто не делал. Это придавало супу ароматный специфический запах. Испекла душистые лепешки из бабушкиной муки.

Бабушка с мамой стали молиться, велели и нам. Из детей у нас только Рая умела молиться и читать молитвы. Я никак не мог запомнить эти непонятные мне слова и порядок движения руки. Хаотично помахав рукой перед лицом, мы быстренько уселись за стол и взялись за деревянные ложки. Уж очень аппетитным был завтрак. Мы давно не ели хлеба и забыли о его вкусе. Нам так хотелось лепешек, но их не ели, а оставляли на потом. Свою лепешку я разделил на три части и раздал Рае, Саше и Вале, думая, скоро буду у бабушки дома и там меня накормят сытно. Только мне стало грустно от мыс-

ли, как же я буду жить у дедушки без матери, сестер и брата? Они будут жить с мамой, а я без нее. Мой дед Кондратий, видимо, заметил мое волнение, подошел ко мне, обнял за плечи и сказал: «Коля, не грусти, мы с тобой к маме будем приезжать часто. Поторопись, нам еще прошагать 10 км». И мы с дедушкой двинулись в дальнюю дорогу. Нас провожать вышли мама, сестры и брат. У калитки дед взглянул на провожающую мать, сестер и брата. Мать грустно

**Захарова Васса
Ивановна — моя бабушка.**

посмотрела на меня, по ее щекам текли слезы, а сестры и брат не удержались, заплакали навзрыд. И мне было тяжело прощаться с ними. Грусть охватила меня, на глаза выступили слезы. Любимый мой дедушка, заметив это, обнял меня, помахал маме, сестрам и брату и сказал: «До свидания!», а мне: «Пошли». Так мы с дедушкой через часа три, а может быть, и все четыре, добрались до дедушкиной деревни Новые Мамеи.

Бабушка Васса и тетки Марфа и Зоя встретили меня с радостью и окружили вниманием. Вскоре накормили вкусно, и я успокоился. На следующий день начали меня готовить в школу. Тети Марфа и Зоя подобрали мне старые дедушкины брюки, где-то их подлатали, где-то укоротили. А бабушка Васса сшила из черного сукна чулки, видимо, белого сукна не было, а из холщевой ткани — сумку. Тетя Зоя подарила ручку с пером, чернильницу-невывливайку, тетрадку и сказала: «Все остальное тебе дадут в школе». Подобрали сравнительно новые дедушкины лапти, и я уже был готов к школе.

Захаров Кондратий Захарович — мой дедушка.

В школу повел меня дедушка. Познакомил с учительницей. Звали ее Еленой Трифоновной. Она познакомила меня с классом.

Класс был большой. Состоял из более 30 человек. Учились девочки и мальчики вместе, но сидели за отдельными черными длинными партами по 4—5 человек. Парты были расставлены в два ряда. В классе были дети в основном 7 лет, а мне — 9. Когда учительница познакомила учащихся со мной, то они все притихли и разглядывали меня. Я был выше одноклассников, и Елена Трифоновна посадила меня за заднюю парту.

Она выдала мне букварь, книгу по арифметике и тетрадку по чистописанию. Зазвенел звонок. Начался урок. Учащиеся кто-то называл буквы, кто-то читал по слогам. Я сидел, ничего не понимая. Мне захотелось было встать и уйти из класса. Учительница, вероятно, заметила это, подошла ко мне и сказала: «Коля Григорьев, не волнуйся. После уроков останься, будем заниматься, вскоре и ты будешь знать все, как и другие». Я молча просидел все уроки. После окончания уроков дети шумно разошлись по домам.

Елена Трифоновна усадила меня за первую парту. Достала из черной, как мне показалось, очень красивой сумки сверток, положила на учительский стол, сказала: «Посиди немного один», а сама вышла из класса. Вскоре она вернулась с двумя алюминиевыми кружками и поставила одну на стол, а другую передо мной на парту. Из кружек шел теплый пар. Учительница развернула сверток и достала кусок черного хлеба. Затем она разломала этот кусок пополам и одну половину дала мне. Затем она опять протянула ко мне руку. Смотрю — кусок сахара. А она, посмотрев на меня, сказала добрыми и ласковыми словами: «Бери, бери. Попьем чаю и будем заниматься». Заметил, что она в свою кружку сахара не клала. Значит, весь кусок отдала мне. От этого мне стало неудобно. Но было поздно. Кусок сахара уже успел раствориться в моей кружке.

Елена Трифоновна занималась со мной после уроков ежедневно, пока я не догнал класс. Она мне объясняла

Один из старых учебных корпусов Новомамеевской семилетней школы, где в 1942—1946 годах я учился, с. Новые Мамеи, 1996 г.

Трифонова Елена
Трифоновна — моя первая
учительница.
с. Новые Мамен, 1942 г.

Коля Григорьев после
окончания четвертого класса
Новомамеевской
семилетней школы. 1946 г.

буквы и как их произносить, как надо соединять две буквы вместе в слоги. С каждым днем мне становилось понятнее. Ведь кроме учительницы, дома со мной занималась тетя Зоя. Далее учительница показала мне как правильно и красиво писать буквы, как складывать и вычитать.

После уроков каждый раз меня дожидалась тетя Зоя. Она тогда училась в шестом классе. Дома мне давала дополнительные задания, проверяла выполненные уроки и др. Далее я помогал дедушке по хозяйству. Первый класс я окончил с оценками «4» и «5». И сколько было тогда для меня радостей. Далее в других классах у меня по учебе каких-либо трудностей не было. Кроме несчастного случая. Однажды во время летних каникул мы с троюрод-

ным братом Петром взялись пасти стадо сельчан. Рядом с деревней возле учебного аэродрома нашли какую-то блестящую, похожую на куриное яйцо «игрушку». Играли-играли с ней, затем во время обеда Петр решил ее разобрать. А меня послал за обедом в деревню. К моему приходу на место стоянки стада его, уже всего искровавленного, везли на телеге в больницу. Оказывается, «игрушка» взорвалась, и осколки отрезали у него три пальца и выбили левый глаз. Спасло меня то, что я не был рядом с ним. Иначе бы все осколки «игрушки» пошли бы и на меня.

За все годы учебы мои одноклассники, особенно девочки, находились вокруг меня, т.к. я был достаточно крепким, сильным, да и рослым по сравнению с другими мальчиками класса и никому не давал их обижать. Даже завидовали, когда я зимой катался на лыжах с крутых гор (а их вокруг Новых Мамей было много) и бесстрашно прыгал наравне со взрослыми ребятами с трамплина длиной 15—18 метров. Да и дедушке я старался помочь по хозяйству: убирать двор, коровник, расколоть дрова и принести бабушке, сходить за водой в овраг к родниковому колодцу ничего мне не стоило. Всему этому дедушка и бабушка радовались.

В школу я ходил с большим настроением и чаще всего вместе с тетей Зоей. Она находилась недалеко от дедушкиного дома — всего в 300 метрах через дорогу, возле глубокого оврага, где мы зимой катались на лыжах, а летом играли в разные игры.

Хорошо помню 9 мая 1945 года. Мы с ребятами играли возле школы. Я тогда учился в третьем классе. Мы заметили, что в деревне народ собирается на школьной площади. Кто плачет, кто кричит: «Ура! Победа! Гитлеру капут!» Сообщили об этом дедушке и он молча пошел к школьной площади, где на столбе висел и громко говорил радиорепродуктор («тарелка») — единственный на всю деревню. Я понял, что кончилась война, и отец вскоре вернется с фронта. Какая была трагедия и одновременно веселье на школьной площади. Многие рыдали, называя погибших мужей или сыновей, а кто-то пел, плясал,

кто-то с кем-то обнимался и целовался. На площадь люди приносили все, что у кого есть: квас, пиво и что-то съедобное: лепешки, пироги. Здесь было много народу и все смешалось: плач, смех, пляски. Почему происходит такое, мы, еще дети, все это не понимали. Все это я понял гораздо позднее — уже повзрослев. Это был праздник, как поется в песне «День Победы» со слезами на глазах». Люди плакали за погибших мужей, сыновей и родственников и радовались за оставшихся в живых и праздновали окончание этой мучительной и изнурительной войны.

Ведь в этой войне только из нашей деревни из 80 домов тогда погибли 47 отцов, мужей и сыновей.

Трудно представить, как сочетать такой праздник в один час, в один день? И не знаешь кому помочь преодолеть это тяжелое горе-трагедию. И кого как поддерживать радоваться счастью.

Вечером дедушка пригласил своего старшего брата Сергея Захаровича с женой и бабушкиного брата Данила Ивановича отметить день Победы. Бабушка испекла лепешки, приготовила яичницу, свежезаквашенную капусту, сварила яйца и радостно справили День Победы. Помянули дядю Андрея, пропавшего без вести, вспомнили дядей Иллариона, Поликарпа и сына дедушки Данилы — Тимофея, воевавших всю войну и получивших тяжелые ранения и оставшихся в живых.

Вот таким я запомнил День Победы на всю жизнь. И свои первые впечатления передаю детям и внукам. Только очень жаль, что через 67 лет Победы над фашизмом предают забвению таких военачальников Советского Союза, как Жуков, Василевский, Ворошилов, Рыбалко, Толбухин, да и Сталина, которые сыграли решающую роль в победе над фашизмом.

Помню беседу с дядей Илларионом. Он показывал мне медицинское заключение из госпиталя, где написано: «Около сердечной сорочки рядом с крупными сосудами находится металлический осколок размером 0,5x0,7 см, с неровной поверхностью. Операция опасна для жизни. На-

блюдение хирурга. Избегать тяжелый физический труд, прыжки, бег и др.». Прочитав это заключение, дядя Илларион громко засмеялся и сказал: «Видишь, Николай, этот осколок я привез домой как трофей на память. И, наверное, на всю жизнь. За четыре года войны меня ранило пять раз и оперировали без счету (в бане я сосчитал на его теле 18 послеоперационных рубцов). Не брали меня ни кавалерийские шашки (он был артиллеристом), ни пуля немецкая, ни осколки артиллерийских снарядов». Продолжает азартно смеяться и показывает на себя: «Видишь, живой, и надеюсь, назло немцам, проживу еще долго».

Послепобедная эйфория в народе постепенно затихала. Люди приступили к мирной жизни.

Наступил 1946 год. Я окончил четвертый класс Новомамеевской семилетней школы. Школу окончил, т.е. четыре класса, ударником, чему очень обрадовались дедушка, бабушка и особенно тетя Зоя. Разумеется, я и сам был очень рад этому. Вот уже начались летние каникулы. На каникулы собрался домой — в д. Каликово — Кайкъяль (мне такое название больше нравится — «Птичья деревня»).

У дедушки жить мне было неплохо. Все они — дедушка Кондратий, бабушка Васса, тети Марфа и Зоя, уже вернулись дяди Поликарп и Илларион, все ко мне относились с любовью, как к самому близкому родному. Я их всех очень любил. И я им чем-то нравился. И друзей у меня в д. Новые Мамеи было много: это троюродные братья Ваня Данилов, Харитон Прокопьев, с которыми учились в одном классе, сосед Павлик (Палюш), Миша Михайлов, Герман Николаев и др.

В свободное от учебы время мы с ними любили играть в лапту, прятки. Однажды во время игры в лапту, а играли мы на школьной площади, вижу, в нашу сторону идет военный человек. Я стал вглядываться и узнал в нем своего отца и побежал навстречу к нему с криком: «Атте». Отец узнал меня и быстро зашагал навстречу мне. Мы встретились и крепко обнялись. Отец сказал: «Куля, эс мёнле ўссе кайнй» (Как ты вырос, Коля), и мы вмес-

те зашагали к бабушке. Когда увидел отца, меня сразу потянуло к себе домой — в Кайъкъяль, хотелось увидеть маму, сестер Раю и Валю и брата Сашу. Давно я их не видел. Целый год меня не было дома. И из Каликово никто не сумел ко мне приехать.

Встрече с отцом очень обрадовались бабушка Васса, дедушка Кондратий и дяди Илларион, Поликарп и тети Марфа и Зоя. Они все очень любили отца. Как не любить, ведь он же был очень симпатичным, душевным и веселым человеком. Быстро собрали родственников. Пришли дедушкин брат Сергей Захарович, бабушкин брат Данил да еще кто-то. Была среди них и моя первая учительница Елена Трифоновна — она позднее стала женой моего дяди Поликарпа. Почти весь вечер шли душевные разговоры. Говорили о дяде Андрее. Я уснул от радости, что приехал отец. Всю ночь во сне я слышал отцовские слова: «Коля, собирайся, я приехал за тобой». Я боялся, что отец согласится с просьбой бабушки оставить меня навсегда у него, но этого не случилось. Я был рад этому и очень пожалел бабушку с бабушкой, которые для меня сделали так много, что не забуду никогда, они навечно в моей памяти.

Проснулся рано утром следующего дня. Отец и бабушка сидят за столом и о чем-то беседуют. Думал, неужели бабушка уговорит отца, чтобы меня оставить у него навсегда, о чем он мечтал уже давно. Как это меня тревожило, как мне хотелось быть рядом с отцом, матерью, сестрами Раей и Валею и братом Сашей. Было похоже, что отец уговорил бабушку. Он сказал: «Куля, пустарън, часах киле каятпър» (Коля, собирайся, вскоре пойдем домой). Это меня успокоило, и я начал потихоньку собирать свои вещи, правда, их было совсем немного. Наступило утро, и мы мило попрощались с бабушкой Кондратием, бабушкой Вассой, тетями Марфой и Зоей, дядями Поликарпом и Илларионом и двинулись в д. Кайъкъяль. Мне было трудно расставаться с бабушкой Кондратием, бабушкой Вассой и тетей Марфой, которые приучили меня к труду: ухаживать за

телятами, поросятами и т.д., и незря мне дали прозвище «Машук Кули». А как расстаться с тетей Зоей, она же была для меня домашней учительницей и помогала мне дотянуться до уровня класса. Я им вечно благодарен.

По пути домой мы с отцом так разговорились, что не заметили, как прошли 10 км и дошли до дома. Дома, т.е. в д. Каликово, меня встретили хорошо. Все обрадовались моему возвращению, особенно мама. Конечно, радовались и сестры Рая и Валя, и брат Саша. Мы соскучились друг без друга. Валя, увидев меня (мы вошли во двор), закричала: «Анне, тух, Куля килнѣ» (Мама, выходи, Коля вернулся). Вижу из дома выбегает мама. Прижимает меня к груди, и на мгновение мне показалось, что я слился с ней в одно целое. Какое это было приятное, счастливое ощущение. Мама позвала всех домой, посадила за стол. А отец занял свое место хозяина. Так его не хватало в годы войны! Мама предлагает всем овощной суп, где было много картошки, капусты, моркови и всяких заправ. Мама умела готовить из ничего «ресторанные супы». Мы всегда с удовольствием ели приготовленное ею.

В этом же 1946 году отца назначили председателем колхоза деревни «Вторая пятилетка». Нам стало жить легче. Правда, дом у нас был ветхим, чуть ли ни с 20-х годов XX века.

Лето 1946 года прошло быстро. Мы играли в различные мальчишеские игры: волейбол, футбол, бегали наперегонки, купались, прыгали с моста, дерева, ныряли, плавали на скорость и др. Все это было весело. И пруд в деревне был на радость всем сельчанам. А ныне ничего этого нет. Ни для молодежи деревни, ни для взрослых.

Лето закончилось, и я пошел в пятый класс Вутабосинской семилетней школы, которая находилась от нашей деревни в полутора километрах.

Само село Вутабоси довольно большое. В него входило более 300 хозяйств. Здесь дружно жили чуваша и рус-

ские, помогали друг другу. Многие чувашские дети хорошо владели русским языком.

Вутабосинская школа была открыта в 1891 году священником Сергеем Евлампьевичем Кафтанниковым. До 1897 года она размещалась в частной квартире. Затем по его инициативе на средства купца А.И. Емельянова в центре села была построена церковь святого Иоанна. Для того времени это было уникальное двухэтажное здание, где была размещена и церковноприходская школа. В школе обучались мальчики и девочки. Она была двухгодичная и считалась лучшей в округе. В 1913—1915 годы в ней учился и мой отец. После школы он считался одним из грамотных людей в деревне. По рассказам отца, для оформления каких-либо деловых документов вся деревня ходила только к нему, чему он был очень рад.

В этой школе а 1907—1908 годах учился и сын С.Е. Кафтанникова Павел Кафтанников, ставший в последующем известным хирургом республики, заслуженным врачом РСФСР, с которым я, будучи главным хирургом Минздрава Чувашии, работал в тесном контакте. Он был уважаемым хирургом шумерлинцев.

Вутабосинская школа с 1891 по 1918 год считалась двухгодичной церковноприходской. В 1918—1924 годы работала как единая трудовая школа, а с 1924 по 1939 год функционировала как Вутабосинская четырехлетняя начальная школа (школа второй ступени), с 1939 по 1958 год — как семилетняя, с 1958 по 1962 — восьмилетняя, а с 1962 года — средняя школа.

Порог Вутабосинской семилетней школы я переступил первого сентября 1946 года, после получения четырехклассного образования в Новомамеевской семилетней школе.

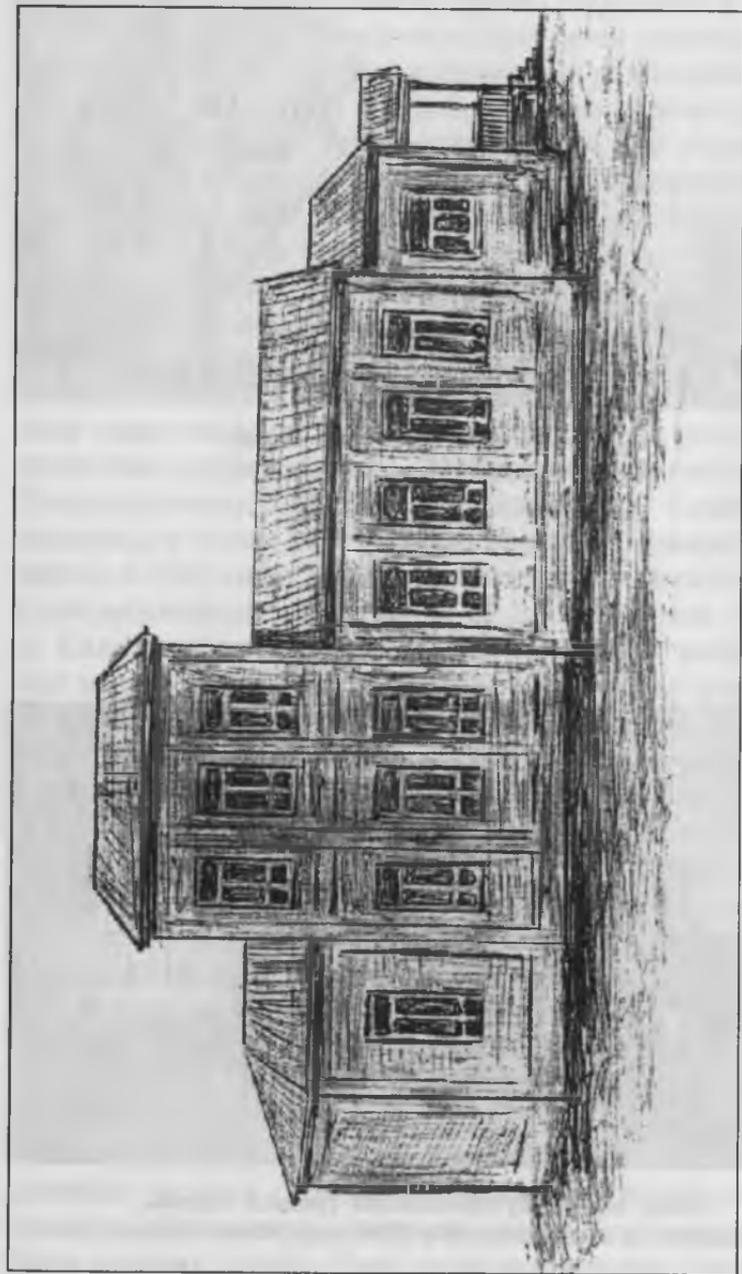
Первое сентября 1946 года — я ученик пятого класса Вутабосинской семилетней школе. Где-то около 7⁵⁰ утра на школьной площади началась линейка. Все нарядно и красиво. Каждый класс выстроился по порядку после первого класса во главе со своими классными руководителями. Я пристроился к пятому классу, как меня про-

сила учительница. На площади тишина. Все в ожидании начала торжества. Помню, к учащимся выходит, одетый в нарядный черный костюм, высокий, симпатичный и сравнительно молодой, с колодками орденов и медалей человек и объявляет: «Я директор вашей школы. Меня зовут Александр Владимирович Тумашкин. Первоклассников приветствую с вступлением в храм знаний, а всех остальных — с началом нового учебного года. Всем желаю хорошей учебы. Здесь для вас созданы все условия для учебы, и вас ждут грамотные и добрые учителя. Добро пожаловать в нашу школу». Тут первоклассница, сидящая на плече учителя, зазвенела колокольчиком, и они прошли вдоль линейки школьников. И учащиеся со своими классными руководителями двинулись в свои классы. Все это было очень торжественно, эмоционально, поднимало дух и желание учиться.

Учительница привела нас в просторный большой и светлый класс, расположенный рядом с алтарем — учительской. Наш класс был большой — более 20 учащихся только чувашской национальности. Учительница посадила меня в третий ряд пятым человеком за партой. Я оказался рядом с учениками из с. Вутабоси Егором и Иваном Куликовыми, из д. Каликово с Колей Мироновым и Мишей Дмитриевым.

Звонок известил о начале урока. Все уселись за парты. Тишина. В класс зашла учительница. Она была выше среднего роста, совсем еще молодая и красивая. Заговорила она по-русски: «Я ваша учительница по русскому языку и литературе. Меня зовут Мария Владимировна. Фамилия моя Дубровина». Далее Мария Владимировна рассказала, чем мы будем заниматься в течение года. Познакомила нас с А.С. Пушкиным и прочла некоторые его стихи.

Учительница Мария Владимировна была девушкой подтянутой, со спортивной фигурой, русоволосая, с приятным лицом и доброй улыбкой. Она была строгой и требовательной, но с мягким характером. Она всегда находила подход к ученикам. Все уроки проводились на

Вугабосинская семилетняя школа, размещенная в деревянном здании бывшей церкви, где в 1946—1949 годы учился Николай Григорьев, а в 1913—1915 годы — его отец Г.С. Семенов. Рис. В.П. Колпакова.

**Вутабосинская семилетняя школа.
с. Вутабоси, 1950 г. Фото автора.**

**Новое здание Вутабосинской средней школы,
сданное в эксплуатацию в 1990 году. Фото автора.**

русском языке, мне освоить русский язык на таком свободном уровне было сложно. Мои сверстники в деревне уже четыре года общались с русскими мальчиками и девочками и хорошо понимали русский разговорный язык. А я — нет. Мне и другим ребятам, плохо знающим русский, в первый год учебы сильно помогали учительница чувашского языка и литературы Галина Ефимовна Ефимова, позднее Галина Степановна Андреева, разумеется, и учительница русского языка и литературы Мария Владимировна Дубровина. Они тогда были совсем молодыми учителями — выпускниками Чувашского педагогического института. Они с нами проводили дополнительные занятия. Вели большую работу с учащимися русской национальности, чтобы они помогали освоить русский язык другим ребятам, призывали к дружбе с нами. Показательным был пример учительницы Галины Степановны, которая рассказала о большом пожаре в с. Вутабоси в 1921 году. Пожар был настолько сильным, что в одно мгновение уничтожил 72 двора до тла. Жители д. Каликово от мала до велика помогали погорельцам чем могли: кто одеждой и едой, кто очищал развалы от пожара и помогал приспособить оставшееся для жилья, кто добрым словом и др. И помогли чувашаи русским пережить такую большую трагедию. Этот рассказ ребята слушали внимательно и с пониманием. После такой беседы отношения между русскими и чувашскими ребятами резко изменились, дружба между нами окрепла. Здесь, конечно, проявился талант учителя, сумевшего найти подход к душам ребят, проявившего уважение и укрепившего дружбу между нами. А дружба — это сила. Я сам был свидетелем дружбы между чувашами и русскими, когда, кажется в 1953 году, в д. Каликово тоже вспыхнул большой пожар. На помощь нам из д. Вутабоси, что в километре от Каликово, быстро прибежали молодые и сильные русские ребята, забрались на крышу дома Поликарпа Абрамовича, который стоял на пути пожара. Их было человек десять. Они стали по цепочке подавать на крышу ведрами воду, обливали ее и быстро потушили

загоревшиеся участки крыши. Пожар был остановлен благодаря помощи этих боевых русских ребят. Конечно, помогали и свои деревенские ребята. Пожар был остановлен на восьмом доме. Семь хозяйств сгорели дотла. Это было летом, и день выдался ветренным. Дома вспыхивали, как спички. Было очень страшно: заживо сгорели коровы, овцы, свиньи, а у одного жителя даже лошадь. Их невозможно было вывести из горящих дворов, увидев пламя и дым, они испуганно бежали обратно в сараи и конюшню. Если бы не помощь вутабосинцев (только на крыше их было не меньше десятка), пожар бы распространился дальше и охватил бы всю улицу из 25 хозяйств. Вот тогда я сердцем почувствовал дружбу двух народов, т.к. в этом пекле я был и сам.

Галина Степановна призывала нас любить родной чувашский язык, объясняла, что он очень древний и существует несколько тысячелетий, на нем говорил всемирно известный китаевед, наш земляк, член Санкт-Петербургской Академии наук Никита Яковлевич Бичурин, живший в 1777—1853 годы. И я счастлив, что спустя годы, заслужил Государственную премию Чувашии в области науки его имени, им. Н.Я. Бичурина. Хорошо владели чувашским языком мой друг, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт, генерал-майор Андриян Григорьевич Николаев и прославленная балерина Большого театра, народная артистка ЧАССР, РСФСР и СССР Надежда Васильевна Павлова. Хорошо был знаком с чувашским языком еще один наш земляк из г. Ядрин всемирно известный архитектор, художник и график, воспитанник сподвижника Петра I, генерал-майора артиллерии князя Е.Л. Дадзиани Петр Егорович Егоров (1731—1789). Галина Степановна познакомила нас и с поэзией наших классиков К.В. Иванова и Сеспеля Мишши (Кузьмина Михаила Кузьмича) и многими современными писателями и поэтами, как Н.И. Шелеби, А.Е. Алга, Н.Т. Васянка, который вел переписку с М. Сеспелем, встречался с В. Маяковским, В.И. Давыдов-Анатри, П.П. Хузангай, Я.Г. Ухсай, И.С. Максимов-Кошкин-

ский, П.Н. Осипов, Н.Ф. Ильбек, из молодых поэтов — Г.А. Ефимов и др.

Я горжусь своей Вутабосинской школой, ее учителями и воспитанниками. Вызывает гордость за свою школу ее воспитанник из с. Вутабоси, славный воин, участник Русско-японской войны 1904—1905 годов в составе экипажа крейсера «Варяг», вступившего в жестокий бой с 14 японскими военными кораблями, Зиновий Зиновьевич Конон, который получил тяжелое ранение, но продолжал стрелять из пушки до последнего снаряда по японским кораблям. А когда на крейсере возник большой пожар, он с оставшимися матросами тушил его и покинул корабль в числе последних, когда крейсер уходил под воду. Его подобрала японцы, он остался жив и вернулся домой. Разве это не гордость школы? Вот другой воспитанник моей Вутабосинской школы — Иванов Василий Иванович из д. Сядорги-Сирмы, который в течение 15 лет руководил космическими частями, расположенными в различных регионах Советского Союза, а в последние годы являлся руководителем Крымского центра по управлению полетами космических кораблей на Луну, Марс и Венеру. Гордостью Вутабосинской школы является, на мой взгляд, Валерий Витальевич Андреев из д. Каликово. В числе первых в Чувашии в 1986 году он произвел операцию по пришиванию на свое место оторванного по какой-либо причине пальца, а далее и пересадку пальцев стопы на кисть, если их не было. Я вспоминаю и своего друга Михайлова Василия Никитича — земляка из д. Каликово, с которым мы вместе росли, окончившего семь классов Вутабосинской школы, а затем техникум и финансовый институт, в возрасте 23 лет заслужившего должности начальника экономической лаборатории Совета народного хозяйства Чувашской Республики, имевшего тогда еще среднее специальное образование. Он был одним из молодых специалистов Совнархоза республики. Вот как не гордиться им?! Нельзя не вспомнить и другого моего друга детства, выпускника Вутабосинской школы Узюкова Порфирия Петровича,

Учащиеся пятого класса Вутабоинской семилетней школы.
Первый ряд, третья слева Галина Ефимовна Ефимова.
Ученик Н. Григорьев (третий ряд, второй слева)

Учащиеся пятого класса Вутабосинской семилетней школы с директором Александром Владимировичем Тумашкиным (второй ряд, третий слева), учительница Елизавета Дмитриевна Федорова (второй ряд, четвертая слева), ученик Н. Григорьев (второй ряд, пятый слева)

долгие годы работавшего на ответственных должностях в районах и в г. Чебоксары. Узюков Порфирий Петрович, экономист по образованию, являлся вторым секретарем райкома КПСС, заместителем председателя райисполкома, заместителем министра пищевой промышленности, директором «Росоптпродукторга» и начальником отдела Госплана Чувашской Республики. Конечно, себя хвалить некорректно, но я тоже равноправный воспитанник Вутабосинской школы и достиг определенных высот. Я бы сказал, для чувашского деревенского парня это неплохо: стал доктором медицинских наук, профессором и академиком НАНИ Чувашской Республики, заслуженным врачом ЧАССР и РСФСР, лауреатом Государственной премии Чувашской Республики в области науки им. Н.Я. Бичурина и членом Союза профессиональных писателей Чувашской Республики и Союза писателей России. Я горжусь, что являюсь воспитанником Вутабосинской школы, работал в течение 10 лет главным хирургом и 15 лет министром здравоохранения Чувашской Республики и более двадцати лет профессором по хирургии ЧГУ им. И.Н. Ульянова.

В 1949 году я окончил Вутабосинскую семилетнюю школу ударником. Надо было решать вопрос о дальнейшей учебе. Мама была не против, чтобы я работал в колхозе. Всегда говорила: «Хорошо будешь работать, тогда колхозники изберут тебя председателем, как отца». А отец был настроен, чтобы я учился дальше, т.е. продолжил учебу в средней школе. Я выбрал Янгличинскую среднюю школу, как и мои одноклассники по Вутабосинской семилетней школе Егор и Ваня Куликовы. Отец меня поддержал, не стала возражать и мама. Так мы и выбрали Янгличинскую среднюю школу. Тогда из нашей деревни Кайăкъяль ребята и девочки ходили в Шакуловскую среднюю школу, тоже находившуюся от нашей деревни, как и Янгличи, в десяти километрах.

Братья Егор и Ваня Куликовы уже побывали в Янгличинской средней школе, встречались с ее директором и оставили свои заявления о приеме в школу для учебы

в 8—10 классах. А я был новеньким, и мне было легче, потому что они уже все знали, что необходимо иметь при себе и к кому обратиться. Я сделал все так, как они сказали, и проблем у меня с поступлением не было.

Вот мы все трое в Янгличах, у школы. Через небольшую калитку вошли во двор школы, где все аккуратно и чисто, много цветов. Настроение у нас было приподнятое. Видим, на южной стороне школьной площади идет строительство нового деревянного корпуса и достаточно большого. Мне сказали: «Вон директор школы. Беседует с рабочими стройки». Подошли к нему, поздоровались, и он пригласил нас в свой кабинет, который располагался в старом деревянном здании. Директор Василий Фомич ознакомился с нашими документами и сказал: «Что же ребята, учились вы в Вутабосях хорошо. Я вас приглашаю в нашу школу и надеюсь, что и у нас вы будете учиться неплохо. Жду вас первого сентября. Однако жить у нас негде. Постарайтесь устроиться у родных или знакомых, или можете у нас взять адреса людей, которые пустят учащихся на квартиру за небольшую плату. Вот они, возьмите». Мы поблагодарили его и тепло попрощались. Быстро наступил первый день учебы. Мы приехали в Янгличи на день раньше, разыскали квартиру, где можно будет останавливаться в непогоду или зимой. Нас с Ваней приняла добрая бабушка Полина, которая жила одна недалеко от школы. Егор Куликов один устроился у своих дальних родственников.

Так я стал первым учеником Янгличинской школы из нашей деревни.

Первое сентября. Торжественная утренняя линейка. Василий Фомич поздравил всех учащихся с началом нового учебного года. Об этом извещает звонок первоклассницы. Нас, восьмиклассников, определили в большой класс в новом здании школы. В классе было 25 человек, в том числе 6 девочек. Все уже сидим за партами. Вошли мужчина и женщина. Я сразу узнал директора, а женщину нет. Мы приветствовали их стоя.

Первым представился Василий Фомич. Ему было, наверное, чуть больше тридцати лет. Это был стройный, красивый мужчина с улыбчивым мягким лицом. Он был одет в черную гимнастерку и такого же цвета галифе, на ногах были яловые сапоги. На груди имелось множество колодок от орденов и медалей, а выше была зацеплена неширокая золотистого цвета полоска. Позднее я узнал, что эти полоски давали солдатам и офицерам, получившим тяжелое ранение. Нам стало известно, что он участник Великой Отечественной войны, получил тяжелое ранение — потерял правую ногу, ходил с тростью и при ходьбе от протеза раздавался какой-то скрип. После демобилизации с фронта он поступил в Чувашский педагогический институт и после его окончания в 1949 году был направлен директором в Янгличинскую среднюю школу.

Он представился: «Меня зовут Василий Фомич, фамилия моя Чернов. Я директор этой школы и буду преподавать у вас историю. Рядом со мной стоит нынешняя выпускница Чувашского педагогического института Зоя Михайловна Мурзукова. Она ваша классная руководительница, будет преподавать немецкий язык».

Далее с Василием Фомичем мы встречались часто. Его уроки были такими интересными, что мы не замечали, как быстро они проходили. Много он говорил об истории Великой Отечественной войны, подвигах советских солдат и славной победе над фашизмом. Когда мы спросили его, что осталось у Вас в памяти о Великой Отечественной войне, он сказал: «В памяти бои за Москву в 1941 и в начале 1942 года, когда перемешались кони, люди и танки, и не знали, где наши солдаты, а где немцы. Но выдержали. А в 1944 году немецкий снаряд раздробил мою правую ногу. Но хирурги молодцы, благодаря им я остался живым. Видите, стою перед вами. Я счастлив».

Особенно близко с Василием Фомичем я познакомился, когда в девятом классе меня избрали секретарем комсомольской организации школы. Так как у меня не было никакого опыта в этой работе, то я в начале работы встречался с ним каждый день и получал советы.

Удивительным он был человеком — умным и очень душевным. Каждый день я набирался у него ума и взрослел. Вспоминаю его по сей день добрым словом и благодарностью. Когда у меня после восьмого класса появились мысли оставить учебу и работать в колхозе, Василий Фомич с учительницей по русскому языку и литературе Тамарой Ивановной убедили меня, что надо продолжить учебу, и это поможет мне открыть дорогу в жизни.

До сих пор у меня в памяти, как Тамара Ивановна с воодушевлением рассказывала о великих классиках русской литературы, как Л. Толстой, А. Пушкин, М. Лермонтов, В. Маяковский, и укладкой — о С. Есенине. Она всегда внушала нам: любите и изучайте русский язык, он вас выведет на широкую дорогу жизни. Конечно, кроме Тамары Ивановны в школе были и другие молодые учителя, в которых мы были влюблены. Среди них молодой географ Юрий Андреевич Васильев. Как он заинтересовал нас географией! Он рассказывал о реках и озерах, полях и лесах, животном мире, недрах земли Советского Союза, жизни людей в других странах и др. На его уроках мы чувствовали, словно вместе с ним путешествуем по Советскому Союзу и другим частям мира.

Нельзя не вспомнить о другой учительнице, только что приехавшей в нашу школу после окончания Чувашского педагогического института, Елене Ефимовне Соловьевой, преподававшей чувашский язык и литературу. Она не уставала рассказывать нам о нашем древнем чувашском языке, его богатстве и выдающихся просветителях чувашского народа, писателях и поэтах, как И.Я. Яковлев, К.В. Иванов, М.К. Сеспель, Н.В. Никольский, П.П. Хузангай, Я.Г. Ухсай, С.В. Эльгер и др. Елена Ефимовна всегда внушала нам: не забывайте свой родной чувашский язык, иначе исчезнет и народ чувашский».

Мы в классе были очень привязаны и к учителю физики Николаю Ефремовичу Ефремову, участнику Великой Отечественной войны. До сих пор помню, как Николай Ефремович демонстрировал на практике по физике гром и молнию.

Любимицей класса была и учительница по математике Нина Федоровна Федорова. Казалось бы, что такой скучный предмет довести до учащихся представляет определенные трудности. А она умела провести уроки математики так, что мы просто полюбили этот предмет, и он для нас оказался очень интересным, и мы начали доказывать разные теоремы.

Удивительно быстро прошли годы учебы в Янгличинской средней школе. Мы так привыкли за три года учебы к своим учителям и школе, что не хотели расставаться.

Я часто вспоминаю эту школу и горжусь ею, ее учителями и воспитанниками, как Н. Гаврилов — Герой России, чье имя носит школа ныне, доктора наук, профессора и академика НАНИ Чувашской Республики Е. Васильев, я (и писатель), И. Илларионов, Л. Ефимов, замечательный хирург-онколог С. Алексеев и многие другие.

Мы очень уважали своих учителей и делали все, чтобы оправдать их труд и старания при обучении нас. Кажется, мы оправдали их доверие: в первый же год после окончания школы из 26 выпускников 21 поступили в высшие и среднеспециальные учебные заведения, в т.ч. 8 — в казанские вузы. Я поступил в Казанский медицинский институт на лечебный факультет, а другие стали студентами Казанского педагогического, финансового, сельскохозяйственного, ветеринарного институтов, а Егор Куликов — курсантом Казанского артиллерийского училища. Мы — выпускники Янгличинской средней школы — студенты казанских вузов, продолжали дружить: вместе ходили в кино, театр, ездили вместе домой.

Институт, студенчество — это новая ступень познания, новый этап жизни молодого человека. Какое было счастье для меня стать студентом! И с каким вдохновением мы, студенты, слушали лекции всемирно известных профессоров, как В.Н. Мурат по анатомии, А.Н. Миславского и Ю.И. Забусова по гистологии, А.В. Кибякова по физиологии, ставшего позднее членом-корреспондентом АМН СССР, а на старших курсах лекции по хирургии

**Бывшее здание Янгличинской средней школы
и мой класс (угловое помещение), где я учился
в 1949—1952 годах, и сейчас стою перед зданием.**

**Учителя и учащиеся десятого класса
Янгличинской средней школы.**

**1-й ряд, слева: учитель географии Ю.А. Васильев (четвертый слева),
учительница чувашского языка и литературы Е.Е. Соловьева,
учитель по физвоспитанию М.И. Иванов. Учащийся Коля
Григорьев — второй ряд, четвертый слева. Янгличи, 1952 г.**

**Гаврилов Николай Федорович — Герой России,
генерал-майор, чье имя носит ныне
Янгличинская средняя школа.**

Главный корпус Казанского медицинского института им. С.В. Курашова, ул. Бутлерова.

**Выпускники Янгличинской средней школы 1952 г. — студенты второго курса казанских вузов и средних специальных учебных заведений.
Слева: Н. Григорьев, Н. Шемякина, Е. Куликов, Н. Васильев. Казань, 1953 г.**

профессоров С.М. Алексеева, Н.В. Соколова, В.Н. Шубина, доцента, позднее профессора И.Ф. Харитонов.

Памятны посещения хирургического кружка, организованного на кафедре общей хирургии и руководимого доцентом Н.И. Попковым, к сожалению, скоропостижно скончавшимся от сердечного приступа при защите докторской диссертации.

На третьем курсе я определился с выбором профессии — это хирургия, и, кроме посещения хирургического кружка, я начал ходить по вечерам на дежурство по экстренной хирургии в городскую больницу № 12 по ул. Декабристов, где базировалась и кафедра госпитальной хирургии. Ответственным бригады хирургов по экстренной хирургии дежурил ассистент кафедры госпитальной хирургии, мой земляк Александр Федорович Попов, с которым я близко познакомился. И он натаскивал меня по хирургии в буквальном смысле слова с третьего по шестой курс. Научил производить под своим руководством простые операции, как аппендэктомия, грыжесечение, устранение внематочной беременности, операции при разрыве яичника (эти операции тогда проводились хирургами), ушивание перфоративной язвы желудка и др. Благодаря Александру Федоровичу к моменту окончания института мною самостоятельно были выполнены более 100 несложных операций, это помогло мне после получения диплома врача с хирургическим уклоном смело распределиться хирургом в Янтиковскую районную больницу своей республики. Я очень ему благодарен и считаю его своим первым учителем по хирургии.

В Янтиковской районной больнице к работе хирургом я приступил 14 августа 1958 года, имея опыт работы по хирургии, как студент, три года. Первые дни никто не шел ко мне на операции, т.к. у предыдущего хирурга все операции имели тяжелые осложнения, и больные после операции длительное время страдали. Первую операцию выполнил, как хирург, лишь на четвертый день пребывания в больнице мальчику 7 лет из соседней деревни Уразлино с диагнозом острый аппендицит под

Студенты 204-й группы медфакультета Казанского мединститута.
Первый ряд слева: Н.В. Домрачева, анатом, полковник военной кафедры В.В. Высоцкий,
доцент кафедры анатомии В.Г. Мурафа, студент Н. Григорьев (третий ряд, первый слева).

местным обезболиванием. Мальчик выписался на 7 день после операции в хорошем состоянии. Затем были вторая, третья операции — все удачно. Вскоре сам начал назначать плановые операции как на грыжесечение, водянку яичника и др. Все больные после операции уходили с благодарностью. Появились первые статьи в районной газете «Ленинец» с благодарностью за успешную операцию. Доверие к молодому хирургу усилилось, когда удачно прооперировал 76-летнюю женщину с острым холециститом и моряка с 25-летним стажем службы на военных кораблях по поводу заворота кишок с омертвлением их до 3-х метров. В одном случае пришлось оперировать в срочном порядке, нарушая все требования к операции, женщину с разорвавшейся маткой с сильным кровотечением и живым плодом в брюшной полости. Справился. Мать и ребенок остались живыми. Освоил офтальмологию. У одной пожилой ослепшей женщины удалил катаракту, и она стала зрячей. А сколько было радости у пациентки, да и у меня — хирурга! Трудно было лечить пациентов с гнойным воспалением внутреннего уха с тяжелым осложнением. И тут пришлось освоить новые для меня сложные операции — долбить мастовидный отросток.

В конце сентября 1958 года нас, молодых хирургов, главный хирург Минздрава Чувашской АССР Игнатий Максимович Кузнецов пригласил в Чебоксарскую городскую больницу, где он заведовал хирургическим отделением, на четырехмесячную специализацию по военно-полевой хирургии, где мы осваивали секреты хирургии, травматологию и онкологию и др. Это была хорошая школа. И мы, молодые, только что прибывшие в Чувашию из разных институтов хирурги, набирались практического опыта. Сроки учебы прошли быстро, я вернулся в Янтиковскую больницу и начал активно оперировать. Народ, узнав, что после операции мои пациенты хорошо поправляются, перестал ездить за хирургической помощью в Канашскую городскую больницу, как делал раньше.

**Григорьев Николай Григорьевич,
хирург и главный врач Янтиковской
районной больницы. 1960 г.**

Нагрузка на меня увеличилась. Начали обращаться за хирургической помощью и пациенты с онкологической, отоларингологической, глазной и гинекологической патологией. Конечно, хорошо помогали операционные сестры Н. Ашмарина, А. Ермолаева. Работа еще осложнялась тем, что в районе не было врачей основных специальностей, как педиатр, офтальмолог, гинеколог, отоларинголог, инфекционист и др. Да и хирургическая нагрузка увеличилась. Ежедневно приходилось выполнять по 5—7 операций, включая экстремальные хирургические и акушер-гинекологические, да и прием амбулаторных больных до 100 и более человек ежедневно.

На втором году работы районным хирургом на меня возложили и функции главного врача больницы с тремя участковыми больницами и более 20 фельдшерско-акушерскими пунктами. Нагрузка была достаточно большая. На весь район работали лишь вчетвером: А. Шилин — терапевт, главный врач Тюмеровской участковой больницы, З. Челякова, врач кожно-венеролог и В. Пряникова — главный санитарный врач района.

В сентябре 1961 года я выехал в клиническую ординатуру по хирургии в Казань.

**Кузнецов Игнатий Максимович —
главный хирург Министерства
здравоохранения ЧАССР в 1949—1970 годах
(1898—1974)**

Глава 2. МОИ УЧИТЕЛЯ В БОЛЬШОЙ ХИРУРГИИ И НАУКЕ

Кузнецов Игнатий Максимович

Все три года самостоятельной работы хирургом в Янтиковской районной больнице надо мной шефствовал главный хирург Министерства здравоохранения Чувашской Республики Кузнецов Игнатий Максимович. Он возглавлял хирургическую службу республики все двадцать лет — с 1949, т.е. со дня введения при краях, областях и республиках СССР должность освобожденного главного хирурга, и до 1970 года.

Игнатий Максимович был ученым, многогранным хирургом и опытным организатором хирургической службы, учеником известного в стране профессора-хирурга Казанского университета В.Л. Боголюбова, последователя А.В. Вишневого. Он активно развивал в республике хирургию желудка, желчевыводящих и мочевыводящих путей, щитовидной железы. Много сил и энергии вкладывал в развитие неотложной хирургической службы, более 20 лет он возглавлял Республиканское научное общество хирургов. И.М. Кузнецов был настоящим наставником молодых хирургов. И многие его ученики стали хирургами высокой квалификации, кандидатами медицинских наук (З.Н. Волков, А.Н. Никитин, Е.П. Кулаков, Г.И. Малов), а Н.Г. Григорьев, А.Н. Волков, Ф.Г. Григорьев — докторами. Я очень рад, что Игнатий Максимович среди моих учителей — профессоров и академиков — занимает достойное место.

С И.М. Кузнецовым впервые я близко познакомился в 1958 году во время прохождения на базе Чебоксарской городской больницы, где он заведовал хирургическим

отделением, четырехмесячными курсами специализации по военно-полевой хирургии. Он был тогда еще и главным хирургом Министерства здравоохранения ЧАССР. Я запомнил его тогда, как человека невысокого роста, крепкого телосложения, бритоголового, очень активно-го, разговорчивого и любящего рассказывать анекдоты и при их удачности азартно и громко смеяться. В работе он был строгим, но в то же время душевным, не держал зла за пазухой. Он умел с каждым хирургом найти взаимопонимание, а к молодым специалистам он относился очень уважительно, мягко, но строго исправлял их ошибки, не обижая при этом.

Игнатий Максимович среди хирургов республики пользовался большим авторитетом. Когда хирурги приглашали его в районную или городскую больницу, то он выезжал немедленно, если был свободен от операции.

Хорошо помню слова, которые он не уставал повторять молодым хирургам-стажерам: «Самое главное, мои молодые коллеги (так он обращался к нам, молодым врачам), в вашей самостоятельной работе в хирургии, особенно в первые годы, да на селе, когда нет рядом с вами старшего опытного товарища, не теряться, проявлять сдержанность и собранность, хладнокровие и не спеша делать свое дело, как вас учили в институте и как набрали кое-какой опыт на нашей базе. А допущенные вами ошибка и оплошность в ваших действиях, особенно самонадеянность и высокомерие, могут стоить жизни вашего пациента». И.М. Кузнецов все это говорил от души, проявляя глубокую озабоченность и уважение к молодым хирургам. Он постоянно призывал нас быть готовыми к самопожертвованию ради спасения больного.

Игнатий Максимович как главный хирург республики был очень рад нашему приезду в Чувашию и нашему выбору профессии хирурга. Он говорил, что в семи районах республики нет ни одного хирурга. Это были Янтиковский, куда я прибыл, Комсомольский, Яльчикский, Красночетайский, Порецкий, Ибресинский, Шемуршин-

ский районы. Все это было связано с тем, что Министерство здравоохранения России направляло в Чувашскую республику молодых хирургов из числа выпускников институтов южных регионов, как Дагестан, Ростов-на-Дону, Семипалатинск, Сталинград и другие, которые, набрав а течение 5—6 месяцев определенный хирургический опыт, выезжали в свои края. И районы республики оставались без хирургов. Было одно спасение, что оказание неотложной хирургической помощи населению названных районов брали на себя хирурги г. Канаш (А.З. Якимов), г. Алатырь (П.В. Ганин), г. Шумерля (П.Е. Кулаков) и др. Игнатий Максимович и сам в районы много выезжал: кого-то оперировал в местной больнице, кого-то привозил в свое хирургическое отделение.

Острую кадровую проблему по хирургии Игнатий Максимович решал путем организации ежегодных четырехмесячных курсов специализации молодых врачей-хирургов, терапевтов, педиатров, окулистов, стоматологов, кожно-венерологов, невропатологов и других, по военно-полевой хирургии на базе Чебоксарской городской больницы, где он, будучи главным хирургом Минздрава, заведовал хирургическим отделением. Врачей на учебу набирал через районные и городские военкоматы как военнообязанных. Во время учебы он их готовил не только теоретически по военно-полевой хирургии, но и прививал практические навыки, т.е. обучал выполнять несложные операции, как аппендэктомия, грыжесечение, лапаротомия и др. — вызывал у курсантов интерес к хирургии. Агитировал их работать хирургами. И многие врачи разных специальностей после такой подготовки соглашались работать хирургами или совмещать со своей основной специальностью. А курсы старался укомплектовать местными врачами.

После прохождения четырехмесячных курсов стажировки по хирургии я стал близким человеком для Игнатия Максимовича. Постепенно наше знакомство переходило в дружбу. Мы начали бывать друг у друга в гостях. Нередко он приезжал ко мне в Янтиково. Иногда оста-

навливался ночевать у меня на квартире. Я тогда еще не успел обзавестись семьей и жил один. А квартира у меня была достаточно большая, хотя деревянная, одноэтажная и с печным отоплением, но его устраивал такой уют. И я не раз бывал у него дома в Чебоксарах. Он с женой Поликсенией Антоновной жил по ул. Винокурова, д. 13. А сыновья Алексей — инженер-химик, а позднее главный инженер Новочебоксарского химкомбината и Виктор — хирург, а позже заведующий хирургическим отделением Республиканской больницы имели свои семьи и жилье.

Поликсения Антоновна была очень доброй и гостеприимной женщиной, любила угощать своими кулинарными сладостями. Дом у них был достаточно большим с пятью большими окнами: на восточной стороне дома имелись два окна, на южной три, смотрящие на улицу Винокурова. Пол и потолок были из сосновых досок, имеющих естественный вид — не окрашены. Бревна были еловые, также ничем не обшитые. В западном углу дома стояла большая русская печь, где можно было испечь хлеб для достаточно большой семьи. Недалеко от печи располагался кухонный стол, на южной стороне дома между окнами — столовый стол, а на восточной — рабочий стол Игнатия Максимовича. На рабочем столе лежали книги, бумаги и письменные принадлежности. По обе стороны стояли два небольших книжных шкафчика. В одном было много художественной литературы — это произведения Пушкина, Некрасова, Лермонтова, Чехова, Гоголя и труды наших чувашских писателей и поэтов В.И. Давыдова-Анатри, Г.А. Ефимова, П.П. Хузангая, П.Н. Осипова, С.В. Эльгера, М.К. Сеспеля и многих других, а в другом — медицинская литература, в основном по хирургии и разные атласы. А рядом с дверью — двухспальная деревянная кровать. Надо отметить, что вся мебель в доме была деревянной из цельного дерева и самодельной, т.е. ручной работы, и имела достаточно изящный вид.

Вокруг дома имели 6—7 соток земельного участка, где располагался небольшой хозяйственный двор с дро-

Дом И.М. Кузнецова в г. Чебоксары по ул. Винокурова, 13, где он проживал в 1952—1974 годах.

вяником и баней, отгороженный от садового участка штакетником, а вокруг садового участка был плотный деревянный забор из досок высотой до двух метров. На садовом участке росли 2—3 плодоносящие яблони, вдоль забора — кусты крыжовника, смородины и малины. А на небольших грядках виднелись помидоры, морковь, капуста, вдоль дворового забора — много красивых цветов и три семьи пчел, за которыми ухаживал он сам. Пчел очень любил и разговаривал с ними, как с людьми. Очень расхваливал свой мед и не отпускал гостя, не угостив свежим медом и ароматным чаем.

Игнатий Максимович был человеком доброй души, любящим природу, молодых хирургов и очень отзывчивым к их просьбам. Однажды мне удалось спасти жизнь женщины лет 45 из д. Старое Буяново Янтиковского района от явной смерти из-за сильного кровотечения на почве криминального аборта путем применения внутриартериального переливания крови. Но на второй день после оживления у женщины сильно побледнели кончики пальцев левой руки, использованной для внутри-

артериального вливания крови, и я вызвал на консультацию главного хирурга Минздрава Игнатия Максимовича. Приехал он ко мне в тот же день. Осмотрев больную, он поблагодарил меня за то, что я впервые за все годы истории медицины Чувашии применил внутриа- ртериальное вливание крови и тем самым спас женщину от смерти. А побледнение кончиков пальцев руки, вероятно, связано с рефлекторным спазмом сосудов пальцев после перевязки лучевой артерии, что допускалось при подобных манипуляциях. Назначил уколы, расширяющие сосуды, и сам выполнил новокаиновую блокаду пальцев кисти, не упрекнув меня ни в чем. Вот таким был Игнатий Максимович.

Родился он 5 октября 1898 года в глухой чувашской деревне Верхнее Анчиково (Анчӑккасси) Богородской волости Чебоксарского уезда Казанской губернии (ныне Козловский район Чувашии) в бедной крестьянской семье. Семья Кузнецовых едва сводила концы с концами. Не имели понятия о «сытном обеде», всегда недоедали. Сельчане не знали, что где-то имеется медицинская служба, т.к. если она и была, то в городах Чебоксары, Алатырь, Цивильск и Ядрин. По словам Игнатия Максимовича, люди села заболели и умирали без какой-либо медицинской помощи. Все это происходило на глазах маленького Игната. Смерть сельчан он переживал всем сердцем, особенно когда умирали его сверстники. И уже к 10—12 годам жизни он твердо решил, что должен стать врачом и помочь односельчанам. Но его родители были крестьянами и хотели видеть в сыне хорошего хозяина земли или авторитетного сельского учителя. И когда в 1913 году он окончил местную Анчиковскую школу, отец его отвозит в Симбирскую чувашскую учительскую школу, к знаменитому чувашскому просветителю Ивану Яковлевичу Яковлеву. По рассказам Игнатия Максимовича, Иван Яковлевич был талантливым педагогом, душевным и добрым человеком.

Как вспоминал Игнатий Максимович: «Приезжающим родителям в Симбирск к своим детям он разрешал

**Игнатий Кузнецов —
учащийся Симбирской
чувашской учительской школы.
Симбирск, 1917 г.**

оставаться на ночлег в школе, организовывал им бесплатные обеды, если кто-то из них нуждался в медицинской помощи — бесплатную медицинскую помощь. Детям разрешал оставаться на ночь с родителями. Все это вдохновляло детей на учебу». Как он говорил, учиться в школе было нелегко. Программа была насыщенная. Кроме основной программы, они должны были изучать русский и иностранные языки, мальчики посещали столярную мастерскую школы и осваивали столярное дело, а девочки учились шить, вышивать, вязать. Кроме

того, было обязательным посещение школьной церкви.

В Симбирской чувашской учительской школе Игнатий Максимович учится все три года (1913—1917). Окончив ее в 1917 году, он едет в Казань, чтобы пройти курсы на получение аттестата. Получив аттестат, в этом же году он подает заявление на медицинский факультет Казанского университета. Однако, не набрав необходимого количества проходных баллов, остается вне университета. Но не теряется. Возвращается в Чувашию, где Наркомпросс направляет его учителем начальных классов одной из сельских школ, расположенной рядом с г. Цивильск. На этой должности он работает с 1917 по 1919 год и усиленно готовится для поступления в университет. И в 1919 году вновь подает заявление на медицинский факультет Казанского университета. Экзамены сдает успешно и зачисляется студентом.

Но времена были тяжелые. Шла гражданская война. И он с группой студентов медицинского факультета подает заявление в военный комиссариат университета с

просьбой отправить его на фронт воевать на стороне Красной Армии. Игнатий Максимович принял революцию с первых дней, и угроза, возникшая в эти годы вокруг молодой Советской власти, для него не была безразличной. Военный комиссариат университета удовлетворяет его просьбу, и он в течение года воюет с белогвардейцами.

В 1920 году его, как молодого студента, демобилизуют, и он продолжает учебу в своем родном университете. В 1924 году он получает диплом врача и возвращается в свою родную республику. Наркомздрав Чувашии распределяет его вторым хирургом в Ядринскую глазную и хирургическую лечебницу — к знаменитому хирургу страны, Герою труда, а позднее — доктору медицины Константину Васильевичу Волкову.

Игнатий Максимович был очень рад, что его направили к К.В. Волкову. Ведь в те годы молодые хирурги в основном стремились попасть работать именно к этому знаменитому хирургу. Как вспоминал эти годы Игнатий Максимович, все шло у него хорошо. Он работал с К.В. Волковым в полном взаимопонимании. Волков принял его хорошо и всячески старался подготовить теоретически и практически в области хирургии, видел в нем продолжателя своего дела. Игнатий Максимович с вдохновением учился большой хирургии у Волкова. Работал бы с ним и дальше. Однако после двух лет работы, т.е. летом 1926 года, во время совместной операции с К.В. Волковым по удалению большого зуба у женщины из Нижегородской области возникает казус. Вот что произошло. По рассказам Игнатия Максимовича: «Вдруг неожиданно с культи пересеченной одной из больших артерий щитовидной железы слетает лигатура (перевязанный узел нити), и начинается сильное кровотечение. В одно мгновение большая рана на шее заполняется кровью. Я старался кровоточащую артерию зажать зажимом, но у меня ничего не получалось. Через лужу крови я не видел кровоточащую артерию. Кровотечение продолжалось. Состояние больной начало резко ухудшаться. Она поблед-

нела, стало падать артериальное давление, хотя медсестры прилагали максимум усилий, чтобы стабилизировать артериальное давление. Тогда Константин Васильевич быстрым движением правой руки со стерильного стола операционной сестры молча хватает кровоостанавливающий зажим, одним движением зажимает кровотокающую артерию и останавливает кровотечение. Я немного успокоился, хотя вспотел от волнения, как в бане, санитарка едва успевала вытирать со лба пот. Проходит еще одно мгновение, К.В. Волков резким движением правой же руки выхватывает у меня зажим и бросает его в угол операционной с громким криком: «Вон из операционной! Никогда из тебя не получится хирург!» и приступает к операции. Я хотел было развернуться и уйти из операционной, но подумал: как же я оставлю на поле боя своего товарища одного? Значит, я дезертир, думаю, что хирурги так не поступают». И стал помогать ему. Далее операцию мы продолжили как глухонемые. Константин Васильевич оперировал молча, молчали я и операционная сестра. Она подавала инструменты мне и Волкову молча, догадываясь, что и в какое время нужно хирургу и мне, следя за движением наших рук. Операцию закончили благополучно. Потерянную кровь возместили больной кровозаменителями. Больная поправилась и выписалась домой вполне благополучно». Но, по словам Игнатия Максимовича, конфликт между ними продолжался. После этого дня Константин Васильевич вообще перестал с ним разговаривать и приглашать на операции. Через неделю такой напряженной обстановки И.М. Кузнецов пишет заявление в Наркомздрав с просьбой направить его в любой район хирургом. Наркомздрав удовлетворяет его просьбу и назначает Игнатия Максимовича заместителем Наркомздрави республики по лечебной части, но без права участвовать на операции. Хирурги понимают, что лишение участия на операции — это самое суровое наказание.

На этой должности И.М. Кузнецов работает два года (1926—1927) и добивается от Наркомздрави направления

его в клиническую ординатуру по хирургии в Казань. Его просьба была удовлетворена, и он вскоре оказался на кафедре факультетской хирургии Казанского университета, руководимой знаменитым профессором-хирургом страны В.Л. Боголюбовым, учеником академика А.В. Вишневского. В клинической ординатуре Игнатий Максимович учится в течение трех лет и вполне успешно осваивает большую хирургию желудочно-кишечного тракта, желчевыводящей и мочевыделяющей системы, хирургию щитовидной железы и др. Ординатуру он оканчивает в 1930 году и возвращается в Чебоксары. Наркомздрав Чувашии назначает его главным врачом Чебоксарской городской больницы вместо уходящего на заслуженный отдых ее руководителя хирурга высокого класса, доктора медицины, Героя труда Николая Сергеевича Петрова. На него возлагают также обязанности заведующего хирургическим отделением больницы.

Нелегко было И.М. Кузнецову принять больницу после такого авторитетного ученого и хирурга и удержать ее авторитет. Но накопленный двухгодичный опыт работы в Наркомздраве и прохождение трехгодичной клинической ординатуры по хирургии в Казани у профессора В.Л. Боголюбова позволили ему смело взяться за это ответственное дело. И он начинает активно реализовывать свою мечту стать хорошим хирургом и организатором здравоохранения. В первый же год работы он разворачивает большую хирургическую деятельность. Начинает активно оперировать больных с патологией щитовидной железы, желудочно-кишечного тракта и больных с патологией мочевыделительной системы.

В 1935 году на базе этой больницы организует в Чебоксарах первую в Чувашии станцию скорой медицинской помощи. Тогда же создает здесь первую в республике станцию переливания крови. А с 1946 года Чебоксарская городская больница начинает выполнять функцию Республиканской больницы.

В 1955 году на этой же базе И.М. Кузнецов совместно с главным онкологом республики П.Е. Ермолаевым 19—

20 мая выполняют плановую операцию на сердце — комиссуротомию.

С завершением строительства нового хирургического корпуса Республиканской больницы Игнатий Максимович на этой базе организует хирургическое отделение и начинает заведовать им, продолжая выполнять функции штатного хирурга Минздрава республики.

И.М. Кузнецов свою большую хирургическую деятельность сочетает с научной работой. В 1943 году он защищает кандидатскую диссертацию по теме: «Эндемический зоб в Чувашской АССР». Он имеет 29 печатных научных работ. Многие его статьи актуальны и сегодня, как «Панцирный рак мужской молочной железы» (1936), «Случай эхинококка сердца» (1936), «Наш опыт оперативного лечения суженного двустворчатого клапана сердца» (1968) и др.

Труд И.М. Кузнецова высоко оценен правительством СССР и Чувашской республики. Он дважды награжден орденом Трудового Красного Знамени (1945, 1952), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», значком «Отличник здравоохранения СССР», удостоен почетных званий «Заслуженный врач ЧАССР» (1940), «Заслуженный врач РСФСР» (1948). Его имя занесено в юбилейную «Книгу Почета Чувашской АССР» (1958).

Игнатий Максимович уходит на заслуженный отдых лишь в возрасте 72 лет и должность главного хирурга Министерства здравоохранения Чувашской АССР передает своему ученику — автору этой книги с оформлением по его просьбе приказа по Министерству здравоохранения республики (05 апреля 1970 г.).

Сердце Игнатия Максимовича перестает биться после тяжелой и мучительной болезни 2 февраля 1974 года на 76 году жизни. Похоронили его в Чебоксарах на кладбище по Ишлейскому тракту со всеми почестями. К сожалению, сегодня нет среди нас и его сыновей Алексея и Виктора.

Дело Игнатия Максимовича ныне достойно продолжает его племянница Оля — врач-терапевт одной из больниц г. Чебоксары.

**Кузнецов Игнатий Максимович — главный хирург
Минздрава Чувашской АССР. 1959 г.**

И.М. Кузнецов (первый слева) среди делегатов съезда хирургов России.

**Профессор Харитонов Иван Федорович
(1898—1983)**

Профессор Харитонов Иван Федорович

После трех лет работы хирургом и главным врачом Янтиковской районной больницы Министерство здравоохранения Чувашской АССР (министр В.Г. Ефимова) направило меня в целевую клиническую ординатуру по хирургии на кафедру факультетской хирургии Казанского медицинского института, которой руководил профессор Харитонов Иван Федорович. Кафедра факультетской хирургии носила имя А.В. Вишневского — академика АМН СССР, лауреата Государственной премии СССР, учителя И.Ф. Харитонова. На этой же базе в 1927—1930 годах учился в клинической ординатуре и главный хирург Минздрава Чувашии И.М. Кузнецов. В этой же клинике учился и я под руководством И.Ф. Харитонова в 1961—1963 годах, осваивал большую хирургию и начал научную деятельность.

Помню первый день своего пребывания в клинике им. А.В. Вишневского г. Казани. С таким именем имеется институт хирургии и в Москве. Около 10 часов утра первого сентября 1961 года я добрался до этой клиники. Поднимаюсь на второй этаж, как мне сказали, кабинет профессора находится здесь. На лестничной площадке я встретился с высоким, стройным, здоровым, немного сутулившимся человеком в накрахмаленном белом халате, с фартуком спереди, одетым в белоснежный чепчик, державшим в руке папку с рентгеновскими снимками. Поравнявшись со мной, он остановился и спросил: «Вы хирург из Чувашии?» Когда я ему сказал: «Да», то он попросил, чтобы я подошел к старшей сестре отделения, переоделся и спустился в лекционный зал, где он будет читать лекцию по хирургии. Я быстро переоделся в халат и чепчик, оставил свои вещи и зашел в лекционный зал. Увидев меня, профессор прервал свою лекцию и, обращаясь к студентам, произнес: «Вот перед нами наш выпускник Николай Григорьевич Григорьев. Николай Григорьевич, покажитесь». Я встал, несколько смущенный и растерянный от такой чести. Поздоровался со

студентами. А он продолжил: «Николай Григорьевич в течение трех лет проработал хирургом и главным врачом в сельской районной больнице Чувашии, а вот сейчас приехал к нам учиться в клинической ординатуре», — и далее напутствовал студентам: «Он, работая в сельской больнице, прошел хорошую школу по хирургии, и вы тоже можете поработать на селе и приехать к нам учиться дальше. У нас в клинике созданы все условия, чтобы стать хорошим хирургом, а при желании и ученым. Поздравляю Вас, Николай Григорьевич, с приездом к нам», — и продолжил свою лекцию дальше.

Вот так очень просто, но достаточно торжественно я встретился со своим будущим шефом, профессором Иваном Федоровичем Харитоновым.

А на следующий день на утренней конференции, где присутствовали доценты Вальсур Сагитович Гирфанов, Леонид Николаевич Молчанов, Георгий Сидорович Тихонов, ассистенты Юрий Матвеевич Карпухин, Леонид Михайлович Нечунаев, заведующий хирургическим отделением Виктор Евгеньевич Савельев, врач-уролог Хаиз Баязитов, ординаторы второго года обучения Эдуард Насыпович Сидтиков, Самуил Яковлевич Кнубовец, Михаил Иванович Маврин. Названные ординаторы все в последующем стали докторами медицинских наук. Иван Федорович заявил: «К нам из Чувашии приехал хирург Николай Григорьевич, проработавший три года в сельской больнице хирургом. Просьба к вам всем помочь ему освоить программу клинической ординатуры в полном объеме». На этой же конференции моим куратором назначил доцента хирурга-уролога и детского хирурга Вильсура Сагитовича Гирфанова.

Вскоре я узнал, что профессор И.Ф. Харитонов — многопрофильный талантливый хирург и ученый. Он одинаково хорошо оперировал по общей хирургии, урологии и детской хирургии. Он является основателем первого в Татарии детского хирургического отделения и кафедры детской хирургии Казанского медицинского института. На эту кафедру в клиническую ординатуру в

Профессор И.Ф. Харитонов — заведующий кафедрой факультетской хирургии (слева первый), далее хирург И.Е. Шнеп, ассистент М.И. Маврин и доцент В.С. Гирфанов — мой куратор.

1961 году поступили еще два молодых хирурга. Это были Б.М. Масихин (г. Казань) и С.И. Белых (Марий Эл). Из нас Б.М. Масихин был зачислен в клиническую ординатуру в клинику сразу после окончания института и ему предстояло осваивать элементарные операции, как аппендэктомия, грыжесечение и лапаротомия. Моя программа отличилась от его, была совсем другой. Я должен был за два года учебы в ординатуре освоить операции на щитовидной железе, мочевыделительной и желчевыводящей системах и на органах желудочно-кишечного тракта, а также по детской хирургии. Действительно, для освоения такой программы в клинике были созданы все условия. Работали три отделения: общехирургическое с уклоном на патологию желчевыводящей системы и желудочной хирургии, урологическое и отделение детской хирургии. Соответственно мы, ординаторы, работали во всех отделениях, чередуясь через месяц. Мне повезло, что на каждую свою операцию профессор брал меня своим первым ассистентом, да активно я оперировал и со своим куратором В.С. Гирфановым.

Коллектив клиники им. А.В. Вишневского г. Казани с курсантами-хирургами из различных больниц Татарии. Профессор И.Ф. Харитонов (слева третий), левее — доценты Л.Н. Молчанов и В.С. Гирфанов, ординатор Н.Г. Григорьев (второй ряд, справа первый).

**Профессор И.Ф. Харитонов (слева четвертый)
с хирургами-стажерами в операционной. Ординатор
Н.Г. Григорьев перед операцией (слева первый). 1962 г.**

Профессор И.Ф. Харитонов на операции. 1962 г.

Профессор И. Ф. Харитонов на общем обходе (четвертый справа). Ординатор Н. Г. Григорьев докладывает о состоянии больных (слева первый). 1962 г.

В конце первого года обучения я уже самостоятельно оперировал на щитовидной железе, свободно резецировал желудок при поражении язвенной болезнью, удалял желчный пузырь с камнями, трансдуоденально рассекал суженный большой дуоденальный сосочек, удалял камни из мочевого пузыря и мочеточников и др. На втором году совершенствовал эти операции, а с января по март 1963 года специализировался по кардиохирургии в г. Ленинграде у академика Ф.Г. Углова и освоил операцию комиссуротомии. После окончания клинической ординатуры в течение трех лет я работал хирургом в Канашской городской больнице, и в 1965 году профессор И.Ф. Харитонов пригласил меня в Казань на свою кафедру на должность ассистента. Однако с выездом из Канаша я задержался, и мой приезд осуществился лишь в конце октября. Начался учебный процесс, и ассистентское место на кафедре было занято. Я устроился хирургом РБ МЗ ТАССР и был назначен почетным ассистентом кафедры. 9 февраля 1969 года под руководством профессоров И.Ф. Харитонова и В.Н. Швалева защитил кандидатскую диссертацию. А в апреле 1970 года я был приглашен в Минздрав Чувашской АССР на должность главного хирурга, и мне пришлось попрощаться с клиникой им. А.В. Вишневского, получив от ее коллектива на память хороший фотоаппарат «Зенит».

Теперь я должен был не только хорошо оперировать, но и возглавлять всю хирургическую службу республики и оказывать районным хирургам необходимую хирургическую помощь, заниматься подготовкой и расстановкой кадров и дальше развивать хирургическую службу в Чувашии. В 1979 году меня назначили министром здравоохранения Чувашской Республики. В этом была большая заслуга и моего учителя профессора Ивана Федоровича, который, по его характеристикам, воспитал во мне хорошего и квалифицированного хирурга и организатора здравоохранения.

Прощаясь с коллективом клиники им. А.В. Вишневского г. Казани, я никогда не забывал профессора Ивана

**Профессор И.Ф. Харитонов (справа первый) со своим учеником
Н.Г. Григорьевым — министром здравоохранения Чувашии (в центре)
у себя дома с женой Н. Арбузовой. Казань, 1982 г.**

**Профессор И.Ф. Харитонов в день
своего 70-летия. Сентябрь 1968 г.**

**Профессор И.Ф. Харитонов с женой П. Арбузовой и сыном
Григорием — студентом Казанского мединститута дома. 1972 г.**

Федоровича Харитоновна и коллектив клиники. Нередко бывал в клинике и дома в гостях у профессора.

Иван Федорович Харитонов родился 7 сентября 1898 года в г. Мензелинск Уфимского уезда в семье крестьянина. Окончил Мензелинское реальное училище и в 1917 году поступил на биологический факультет Казанского университета. На втором курсе учебы он приходит к убеждению, что биологический факультет не его судьба и переходит на медицинский факультет.

Годы были тяжелые, политически нестабильные, начинается гражданская война. Голод. Из дома он особой материальной помощи не получал. Будучи студентом, он устраивается работать дезинфектором, затем оспопрививателем, а позднее провизором в аптеке. На пятом курсе, как он вспоминал, декан лечебного факультета обратился к студентам: «Кто поедет на холеру?». В лекционном зале встают двое коренастых высоких студента и спрашивают: «Куда ехать?». Декан продолжает: «В Красный Бор. Здесь вспыхнула холера». Мы знали, что холера — это очень опасная инфекция. При контакте с больными можно быстро заболеть и также быстро попрощаться с университетом, т.е. жизнью. Студенты Иван Федорович и его друг Володя Шеретеников дают согласие на выезд. Студента пятого курса Ивана Харитоновна назначают старшим доктором, а его друга — фельдшером, его помощником. Как вспоминает эти дни Иван Федорович: «Недалеко от с. Красный Бор на крутом Камском берегу, густо поросшем корабельными соснами, мы разбили медицинский пункт в пустующем бараке. Но — ни одного пациента. Вдруг раздался тревожный пароходный гудок. Привезли больных и просят лодку. Вскоре все места в бараке были заняты холерными больными, ни одного свободного места. Так мы начали борьбу с этой опасной и заразной болезнью — холерой».

Иван Федорович со своим другом Володей боролись с холерой в с. Красный Бор до полной ее ликвидации и остались живыми. Вернулись в университет и продолжили учебу.

В 1922 году Иван Федорович оканчивает университет и получает диплом врача. Как отличника учебы его оставляют в клинической ординатуре на кафедре факультетской хирургии, руководимой известным профессором Виктором Леонидовичем Боголюбовым, учеником прославленного профессора-хирурга В.М. Разумовского.

В клинике Иван Федорович, начиная с 1933 года, кроме преподавательской работы и освоения большой хирургии у А.В. Вишневого, начинает большую работу в области науки по разработке проблемы: «Новокаиновая блокада при лечении острых гнойных воспалительных и гнойных заболеваний».

В 1935 году его избирают заведующим курсами детской хирургии Казанского медицинского института. А в 1937 году он защищает кандидатскую диссертацию на тему «О кровоснабжении симпатической нервной системы человека». Через два года после защиты кандидатской диссертации, т.е. в 1939 году, он избирается доцентом курса детской хирургии медицинского института. Ивана Федоровича считают одним из основоположников детской хирургии в Татарстане.

В годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) Иван Федорович был ведущим хирургом и урологом эвакогоспиталей г. Казани и г. Юдино. Он считался одним из талантливейших и уважаемых хирургов Казанского университета.

Будучи клиническим ординатором кафедры факультетской хирургии, руководимой профессором В.Л. Боголюбовым, И.Ф. Харитонов приходит к убеждению, чтобы быть хорошим хирургом, его знания по анатомии недостаточны, и с целью совершенствования хирургической техники он просит перевести его на должность помощника проректора кафедры оперативной хирургии и топографической анатомии университета. Просьба была удовлетворена, и на базе этой же кафедры он начинает работать над кандидатской диссертацией. Однако из-за смерти отца и оставшейся в одиночестве матери он в 1924 году возвращается в свой родной город Мензелинск

Сотрудники кафедры факультетской хирургической клиники Казанского государственного медицинского института. Заведующий кафедрой профессор А.В. Вишневский (пятый слева, первый ряд) и доцент И.Ф. Харитонов (шестой слева) с коллективом кафедры. 1933 г.

к матери и в 1925—1939 годах возглавляет хирургическое отделение Мензелинской народной больницы. Благодаря его усилиям Мензелинская народная больница становится одной из лучших больниц в Татарии. И.Ф. Харитонов при этой больнице организует рентгенологическую службу, сам же специализируется на рентгенолога и параллельно с хирургией ведет и эту службу. Также организует бактериологическую лабораторию и заведует ею.

Но основной своей работой он считал хирургию. Кроме того, будучи еще студентом, он осваивал и глазные операции, что очень ему пригодилось в Мензелинске. Здесь он начинает выполнять и глазные операции, как удаление катаракты. На начальных этапах, как он вспоминал, к его глазным операциям горожане относились с недоверием. Но однажды Иван Федорович, принимая ослепшего старика, сказал: «Дед, у Вас катаракта. Надо бы оперировать. Тогда Вы станете видеть». По словам Ивана Федоровича, ослепший пациент согласился. Операция прошла удачно. Пациент начал хорошо видеть. И после этого, как он говорил, как в сказке пошел поток ослепших больных. Операции проходили с успехом, и он быстро завоевал авторитет и как окулист.

В 1933 году Иван Федорович по конкурсу был избран ассистентом кафедры факультетской хирургии Казанского государственного университета, которую тогда возглавлял всемирно известный хирург, разработавший местную анестезию, профессор, позднее академик Александр Васильевич Вишневский.

Иван Федорович был человеком очень внимательным и душевным. Помню случай, когда на улице стояли морозы. Как-то по пути на работу в клинику встретился я с Иваном Федоровичем. И он, увидев на мне легкое пальто, спросил: «Николай Григорьевич, Вам, наверное, в этом пальто холодно. Если имеются финансовые проблемы, то я могу Вам помочь». Я ему ответил: «Мне не холодно. Я немного в Янтикове моржевался и привык к таким морозам». Поблагодарил его за внимание и заботу.

**Профессор В.И. Разумовский (первый ряд, третий справа) —
учитель профессора В.Л. Боголюбова (первый ряд, слева второй).**

**Профессор В.Л. Боголюбов —
учитель профессора И.Ф. Харитоновна.**

Я понял, что для Ивана Федоровича человеческие проблемы безразличны, все это он воспринимал близко к сердцу и стремился помочь человеку.

Иван Федорович к большой хирургии пришел по тернистым дорогам — полуголодные студенческие годы — это заработок на жизнь в качестве дезинфектора, провизора, оспопрививателя, работа в течение года в очаге холеры, далее ординатура по хирургии и работа прозектором на кафедре топографической анатомии и оперативной хирургии, пятнадцатилетний труд хирурга в Мензелинской больнице, ассистент, доцент, наконец профессор.

Иван Федорович был опытным врачом и очень внимательным к своим пациентам. В любую погоду он не пропускал ни дня, чтобы не посетить клинику в вечернее время и посмотреть состояние накануне прооперированного больного. И этому учил и нас, молодых, говорил, что делать вечерние обходы в клинике он научился у своих учителей — профессоров В.Л. Боголюбова и А.В. Вишневого. Я и сам быстро привык по вечерам осматривать оперированных сегодня больных. А когда по какой-то причине не мог посещать больницу и осмотреть оперированного больного, то душа и тело всю ночь не отдыхали. Все время думаешь: как больной проводит первую после операции ночь. Это — хорошая школа.

Иван Федорович был не только хорошим хирургом, но и талантливым ученым. Под руководством профессора И.Ф. Харитонова и академика В.Н. Швалева я стал доктором медицинских наук и профессором. Я им очень благодарен.

Кафедрой факультетской хирургии Казанского медицинского института профессор И.Ф. Харитонов руководил с 1961 по 1971 год, а затем продолжил работать консультантом кафедры до 1974 года.

За годы работы заведующим кафедрой факультетской хирургии Казанского медицинского института под его руководством были защищены 5 докторских и 19 кандидатских диссертаций.

Профессор С.М. Алексеев (четвертый справа) — ученик академика А.В. Вишневого и учитель И.Ф. Харитонова среди коллектива клиники им. А.В. Вишневого.

Иван Федорович также вел большую общественную работу. Он избирался депутатом Мензелинского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Казанского городского Совета депутатов трудящихся, с 1963 по 1974 год возглавлял общество хирургов Татарской АССР, в течение многих лет был членом редколлегии Казанского медицинского журнала и журнала экспериментальной хирургии и анестезиологии.

Иван Федорович заслуженный деятель науки Татарской АССР и заслуженный врач Татарии, награжден орденом «Знак Почета», шестью медалями, дважды удостоивался знака «Отличнику здравоохранения СССР».

Под руководством своих руководителей профессоров И.Ф. Харитонова и В.Н. Швалева мною была выполнена большая экспериментальная и клиническая работа по теме: «Хирургическое лечение хронического холецистита и стеноза большого дуоденального сосочка с применением специальных инструментов». Завершенная работа послужила основой для защиты по этой же теме в 1988 году докторской диссертации.

**Профессор И.Ф. Харитонов (слева)
и молодой хирург Ф. Шарипов. Январь 1967 г.**

При этом была разработана новая методика хирургического лечения стеноза большого дуоденального сосочка, осложненного желтухой, с применением луча лазера и специальных инструментов без мобилизации двенадцатиперстной кишки, позволившая уменьшить осложнения при этой операции с 35% до 7% (авторское свидетельство № 12421126 от 18.03.1980, № 12421126 «А» от 18.03.1986, № 12421126 «Б» от 18.03.1986, № 1557707 от 15.12.1985, № 1292742 от 01.11.1986).

Сердце профессора Ивана Федоровича Харитонова перестало биться в 1983 году.

«Все титулы и звания отдал бы, чтобы ненадолго вернуть молодость».

В. Швалев

Академик Швалев Вадим Николаевич

Благодаря моему учителю по хирургии и науке профессору Ивану Федоровичу Харитонову в начале 1962 года я познакомился, а позднее и подружился на всю жизнь с тогда еще совсем молодым 32-летним талантливым ученым-нейроморфологом, уже кандидатом медицинских наук, заведующим центральной научно-исследовательской лабораторией Казанского медицинского института, организованной самим Вадимом Николаевичем Швалевым.

Мой шеф Иван Федорович, определив мне тему кандидатской диссертации «Афферентная иннервация желчного пузыря и его состояние при некоторых заболеваниях желчевыводящей системы», попросил Вадима Николаевича быть моим вторым научным руководителем, о чем сообщил мне и организовал с ним встречу.

Вот я в рабочем кабинете Вадима Николаевича. Он принял меня приветливо, посадил за журнальный столик, подал чай. Познакомились. Рассказал ему о своих научных намерениях, согласованных с профессором И.Ф. Харитоновым, с которым Вадим Николаевич был очень близко знаком. Вадим Николаевич одобрил мои планы экспериментально-лабораторных исследований, познакомил с лаборантами по нейрогистологии и попросил завтра после работы сразу зайти к нему.

Я запомнил его тогда высоким, стройным, с большими голубыми глазами, серьезным взрослым взглядом, мягким приятным лицом, умным человеком. Он сразу расположил меня к себе как добрый человек, желающий помочь мне в выполнении научной работы.

Вскоре мы с ним попрощались. На следующий день в назначенное время я был у него в рабочем кабинете. И мы сразу приступили к делу: он ознакомил меня с лабораторией, операционным блоком и сестрами, виварием, где были чистота и порядок. Каждая собака располагалась в отдельной клетке в ошейнике с номером и фамилией исследователя. Собаки, увидев меня, почему-то

заяляли, а их было больше 20. Затем Вадим Николаевич познакомил меня с моей будущей лаборанткой. Ее звали Наташей. Он сказал: «Наташа будет Вас знакомить со всеми методами исследования нервных элементов, методами заготовки препаратов, методами окраски нервных клеток, волокон и рецепторов по методам Бильшовского—Гросс, Карновского—Рутс, Швалева—Жучковой, Фалька—Хилларпа—Говырина, обучать работе с микротомом и др. Затем показал мой рабочий стол в лабораторном кабинете,

Швалев
Вадим Николаевич

обставленный микроскопом, приборами, инструментами, растворами для заготовки препаратов окрашивания нервных элементов и изучения их под микроскопом.

Первая моя неделя прошла в изучении нейрогистологических методов исследования нервных элементов. А на следующей неделе в вивариуме уже появились собаки, на ошейнике которых висели моя фамилия и номер собаки. Важно было найти подход к собаке, поймать ее за ошейник, одеть намордник, сделать укол, усыпить ее и перенести в операционную, а далее — операция.

В экспериментальной работе в мою задачу входили: пересечение диафрагмального или блуждающего нерва, удаление спинальных ганглиев, удаление чревного сплетения и через определенное время удаление желчного пузыря собаки и изучение в нем состояния нервных элементов, а также изучение изменения нервного аппарата желчного пузыря человека после удаления по поводу хронического или острого холецистита.

Сперва все виды операции на собаках показывал сам Вадим Николаевич. А далее экспериментальные операции я производил со студентами или операционной сестрой лаборатории. Оценить состояние нервных элемен-

тов желчного пузыря после экспериментальных операций на начальных этапах помогал Вадим Николаевич.

Вадим Николаевич был тогда ненамного старше меня, но уже настоящим нейрогистологом, ученым и организатором, с ним было легко работать. Работа в лаборатории была поставлена четко. Коллектив трудился со знанием дела, без суеты и перебоя.

Я сейчас горжусь, что был его первым соискателем кандидатской, а затем и докторской диссертаций. Он был учеником нейрогистолога с мировым именем, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора А.Н. Миславского. А теперь он и сам известен во всем мире как представитель Казанской нейроморфологической школы. Он, как и его учитель, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАЕН, председатель Российского общества нейроморфологов им. Б.И. Лаврентьева, организованного им самим, лауреат премии им. Н.П. Огарева, заслуженный профессор Международного университета «Дубна», почетный профессор Казанского медицинского университета.

Вадим Николаевич создал свою школу нейроморфологов. Он имеет более 300 печатных научных работ. Под его руководством защищена 51 диссертация, в т.ч. 22 докторских и 29 кандидатских.

Я считаю себя счастливым человеком, что дружу с ним с 28-летнего возраста, уже вот 50 лет. С его помощью я параллельно с большой хирургией освоил вторую специальность нейрогистолога. И свою кандидатскую диссертацию по теме «Афферентная иннервация желчного пузыря и его состояние при некоторых заболеваниях желчевыводящих путей» я защитил по двум специальностям: «Хирургия» и «Гистология», и докторская диссертация, защищенная по специальности «Хирургия» содержит материалы исследований методами нейрогистологии.

Самой ценной нашей находкой при нейрогистологическом исследовании нервных элементов стенки желчного пузыря является то, что мне удалось обнаружить в стенке желчного пузыря чувствительную нервную клет-

**Григорьев Николай Григорьевич —
клинический ординатор кафедры
факультетской хирургии
Казанского мединститута
в ЦНИЛ этого же института
за исследованием нервных
элементов желчного пузыря.
1962 г.**

ку второго типа Догеля, представителя Казанской нейростологической школы, доказывающую морфологически на препарате свою чувствительную природу, о чем спорили все 100 лет нейростологи мира: клетка II типа Догеля чувствительная или нет? Вот, наконец, мною в стенке желчного пузыря найдена нервная клетка второго типа Догеля, не оставляющая никаких сомнений, что она чувствительная. Когда мы с Вадимом Николаевичем найденную в стенке желчного пузыря нервную клетку второго типа Догеля показали заведующему лабораторией нейростологии Института физиологии им. И.П. Павлова АН СССР, члену-корреспонденту АН и АМН СССР Николаю Григорьевичу Колосову, то он с восторгом произнес: «Да, это же действительно чувствительная нервная клетка второго типа Догеля с утвердительным морфологическим доказательством, которую я всю жизнь искал, но мне не удалось ее найти. Молодым всегда везет. Счастливый Вы человек, Николай Григорьевич. Поздравляю Вас!» В последующем мы с Вадимом Николаевичем най-

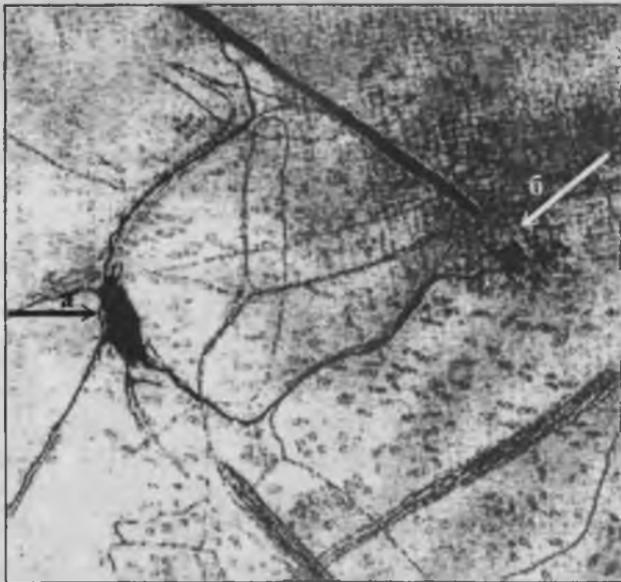
денную мною чувствительную нервную клетку второго типа Догеля показывали многим известным в СССР и за рубежом ученым-гистологам, профессорам и академикам, как С.В. Михайлов, И.Ф. Иванов, Ю.И. Забусов, А.А. Милохин, А.И. Афанасьев, не говоря о Н.Г. Колосове и В.Н. Швалеве, которые давно ознакомились с этой нервной клеткой. Похвально то, что все профессора и академики, познакомившиеся с обнаруженной мною нервной клеткой, как один признали ее чувствительной нервной клеткой второго типа Догеля, убедительно доказанной на нейрогистологическом препарате, снимающей все споры нейрогистологов многих стран мира о ее чувствительности в течение чуть ли 100 лет. Мою клетку признали на уровне открытия. В последующем мы еще раз убедились, что названная нервная клетка чувствительная и второго типа Догеля, демонстрируя эту клетку на Международном конгрессе патологов в 1995 году в Гамбурге (Германия), где участвовали нейрогистологи и патологи из Франции, Германии, Англии, США, Швеции и других стран, и на Международном симпозиуме нейроморфологов в 2002 году в Саранске с участием ученых США, Франции, Литвы и др. Многие зарубежные нейрогистологи с большим интересом ознакомились с обнаруженной мною нервной клеткой и, признавая ее действительно чувствительной нервной клеткой второго типа Догеля, спрашивали, действительно ли эта уникальная и доказательная чувствительная нервная клетка второго типа Догеля найдена хирургом, а не профессионалом-нейрогистологом? Признание учеными-нейрогистологами ведущих стран мира найденную мною нервную клетку как чувствительную нервную клетку второго типа Догеля меня радовало, и я гордился и подумал, что только ради такого открытия можно было бы прожить жизнь.

Но долго любоваться своей нервной клеткой мне не удалось. Член-корреспондент АН и АМН СССР Н.Г. Колосов попросил профессора (ныне академика РАЕН) Вадима Николаевича доставить мой препарат с этой нервной клеткой в г. Колтуши Ленинградской области

для помещения в музей Института физиологии им. И.П. Павлова АН СССР, разумеется, с моего согласия, где эта удивительная нервная клетка второго типа Догеля находится и по настоящее время.

Я очень благодарен Вадиму Николаевичу за привитие мне любви к нейрогистологии и обучение упорству, выдержке и честности в научном исследовании.

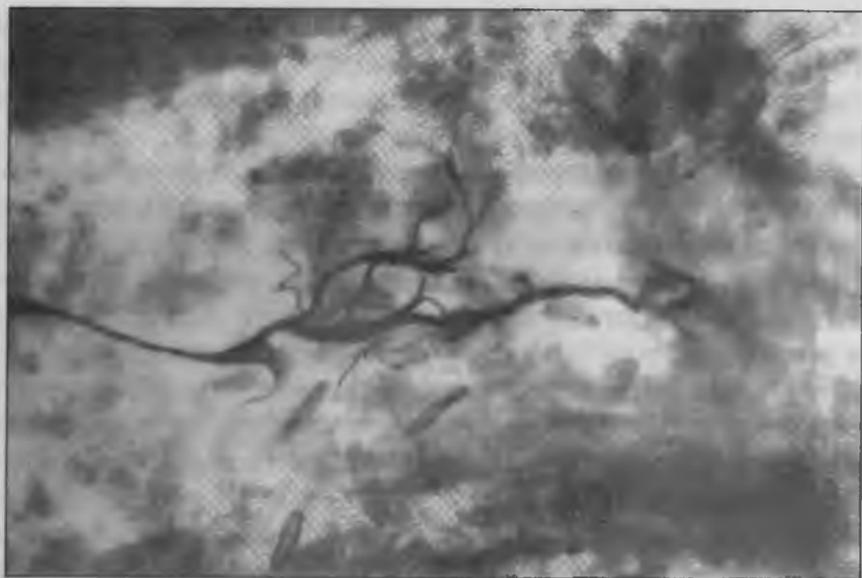
С этой уникальной чувствительной нервной клеткой второго типа Догеля хочу познакомить и вас, читатели, в увеличенном в 100 раз виде на первом микрофото, а на втором микрофото показан отдельно чувствительный рецептор чувствительной нервной клетки второго типа Догеля (препарат Н.Г. Григорьева) в увеличении в 750 раз. Знакомьтесь. Вот она.

Препарат с нервной клеткой второго типа Догеля с рецептором, морфологически доказывающим о ее чувствительной природе, о чем спорили многие годы гистологи мира. Бильшовский-Гросс. Об. 8, ок. 12,5.

Микрофото. Препарат Н.Г. Григорьева. Из журнала «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии». № 5. С. 51. 1968 г.:

- а) чувствительная нервная клетка второго типа Догеля;
- б) чувствительный рецептор нервной клетки второго типа Догеля.

Чувствительный рецепторный прибор длинного отростка этой же нервной клетки второго типа Догеля в слизистой оболочке желчного пузыря. Бильшовский-Гросс. Об. 60, ок. 12,5. Микрофото. Препарат Н.Г. Григорьева. Из журнала «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии». № 5. С. 51. 1968 г.

Вадим Николаевич Швалев родился 31 мая 1929 года в г. Казани в семье хирурга Николая Васильевича и матери Александры Ивановны. Они воспитали двух сыновей: Вадима — врача, академика РАЕН и Леву — профессора, строителя. Его отец Николай Васильевич Швалев в 1924 году окончил медицинский факультет Казанского университета и, поработав участковым терапевтом в Суконной слободе, затем в Арской больнице, прошел подготовку в течение трех лет у профессора А.В. Вишневского, а в 1930 году едет в Елабужскую городскую больницу на должность заведующего хирургическим отделением.

Мать Александра Ивановна выучилась на медицинскую сестру и всю жизнь проработала рядом с мужем, занимая разные ответственные должности.

Семью Швалевых в Елабуге встретили хорошо, выделили добротную квартиру, да и город им очень понра-

**Отец В.Н. Швалева Швалев Николай Васильевич —
заведующий хирургическим отделением Елабужской
городской больницы. 1946 г.**

вился. Елабуга — один из старейших и красивейших городов России, имеет 1000-летнюю историю развития. Расположен на Каме в самом живописном и красивом месте. Город известен еще тем, что здесь родился и вырос знаменитый художник, певец здешней природы Иван Иванович Шишкин. Хотя ныне его нет, но город продолжает украшать его памятник, стоящий у городского парка. Здесь же гордо высится бронзовая конная фигура знаменитой кавалерист-девицы Надежды Дуровой — ординарца фельдмаршала М.И. Кутузова, которая до конца жизни жила в этом городе и написала воспоминания о войне 1812 года, которые высоко оценены А.С. Пушкиным. Город красуется и своим комплексом собора, и величественными зданиями, построенными в начале XX века. Здесь мы увидим и мемориал Марины Цветаевой. Город украшает также Елабужская педагогическая ака-

демия, построенная на деньги купцов Стахеевых, которая отличается своей красотой и величием. Перед зданием академии красуется памятник одному из Стахеевых — писателю Стахееву. Как рассказывает Вадим Николаевич: «Ярко вспоминается мой первый приезд на пароходе в 1935 году из Казани в Елабугу шестилетним мальчиком. От пристани я ехал с родителями в тарантасе солнечным утром по высокой мощеной дамбе, ведущей в город. Большая квартира на Московской улице вскоре была освоена нашей семьей. Мы жили впятером: родители Николай Васильевич и Александра Николаевна, брат Лев, младше меня на четыре года, и бабушка Александра Пантелеймоновна — мать отца. Отец мой, заведывая хирургическим отделением, вынужден был делать самые разные операции... Характерно для того времени было отсутствие в больницах анестезиологов. Приходилось при всех операциях применять местную инфильтрационную анестезию с 0,5% раствором новокаина, разработанную в Казани профессором А.В. Вишневым. Здесь мощным лечебным фактором было и замечательное природное окружение — хвойные шишкинские леса, аромат лугов и полей, дары Камы, рыбное хозяйство которой было превосходным... Нередко я ездил с отцом на лошадях по шишкинским лесам...»

В Елабуге Вадим Швалев поступил в первый класс, окончил он здесь и второй класс. Отец ему и брату Леве часто читал рассказы А.П. Чехова. Их отец хорошо рисовал акварелью.

С началом Финской кампании в 1939 году Николая Васильевича — отца Вадима, мобилизовали на фронт. В 1940 году его переводят в Польшу, разделенную немцами на две части, где отец служил в госпитале в г. Цехановец, вскоре и его семья переезжает в этот город. Вадим начинает ходить в третий русский класс, где учились дети военных и местных жителей.

Как рассказывал Вадим Николаевич: «Рано утром 22 июня 1941 года мы проснулись от шума подъехавшего санитарного фургона. Женщина — старший лейтенант

сказала, что следует немедленно выехать из дома... Мы с мамой, Левой и бабушкой, едва одевшись и не взяв чего-либо из вещей, немедленно сели в фургон... Попрощались у госпиталя с отцом, который прервал операцию и вышел в халате. Он был бледным. Мы покинули город. Едва выехали в направлении Белостока, как увидели группы немецких самолетов... Нам сказали потом, что молодую хозяйку нашего дома в Цехановце немцы расстреляли — донесли, что она работала машинисткой в штабе. Чудом остался жив раненый сержант Г.Г. Автандилов (нынешний академик РАМН в Москве). Фургон ехал все дальше. Вскоре наш фургон застопорился. Пришлось пересест в кузов другой грузовой машины, которая проехала через Минск. На улицах были видны искореженные трамвайные линии. Около небольшого леса танкисты передали о начале войны — о нападении Германии на Советский Союз. За день 22 июня мы проехали 500 километров и остановились на вокзале в городе Борисове. Здесь с трудом забрались в один из товарных вагонов, и, достигнув Волги около Саратова, мать убедила дежурного по поезду отпустить нашу семью из состава беженцев, и на пассажирском пароходе мы добрались в начале июля 1941 года до Казани, попали к сестрам матери, у которых прожили всю войну. Хлеб получали по карточкам.

Я был знаком с отцом Вадима Николаевича — Николаем Васильевичем. Когда я учился в клинике А.В. Вишневского клиническим ординатором, он не раз приезжал к моему шефу, профессору Ивану Федоровичу. Я помню его как невысокого роста, крепкого телосложения, с красивым лицом, степенного в разговоре, приятного человека. С ним меня познакомил мой профессор Иван Федорович, как с хирургом высшей квалификации, заслуженным врачом Татарской АССР, воспитанником клиники им. А.В. Вишневского.

Как вспоминал Вадим Николаевич, его отец в университете был влюблен в математику и физику, но выбрал профессию врача. Я помню его сидящим в кабинете

**Н.В. Швалев с супругой А.И. Швалевоy-Сосниной.
Елабуга, 1950 г.**

профессора в черном костюме, белой рубашке с галстуком и белой шляпой в руках. Он вел душевный разговор с моим профессором.

По рассказам Вадима Николаевича, его отца Николая Васильевича перетянуло на медицину то, что в те годы на медицинском факультете работали такие прославленные на весь мир ученые, как А.М. Миславский — гистолог, у которого в 1953 году я слушал лекции, физиолог Н.А. Миславский, анатом В.И. Терновский, хирург А.В. Вишневский, офтальмолог И.В. Адамюк, акушер-гинеколог В.С. Груздев и многие другие.

Я был знаком с матерью Вадима Николаевича Александрой Ивановной, у которой был в гостях не один раз. Она была милой и доброй женщиной, гостеприимной и любящей угощать чаем или кофе. И я при очередной встрече подарил ей красивый художественно оформленный тульский самовар, чему она была рада.

Я был знаком и с его братом Львом Николаевичем, который был и у нас в гостях в Чебоксарах. Умнейший строитель-профессор, мастер резьбы по дереву, милейший и добрейший человек. Я был поражен, когда он,

будучи в Казани в гостях, показал мне свою работу по дереву, где к 1000-летию Казани вырезал на деревянной плите весь комплекс Казанского кремля.

Вадим Николаевич с началом Великой Отечественной войны и возвращением из польского города Цехановец в Казань продолжает учебу в Казанской школе № 19 им. В.Г. Белинского. А мать — Александра Ивановна, устраивается в один из эвакогоспиталей г. Казани, где ей на семью в день выдавали небольшой бидон супа.

Как рассказывал Вадим Николаевич: «Оставшихся в живых в польском городе Цехановец немцы захватили в плен, погнали их в лагерь, ослабевших нещадно расстреливали. А военный госпиталь, где оперировал отец, был загнан в болотистое место и подвергался обстрелу, начальник и часть персонала госпиталя были ранены».

Наступил День Победы — 9 мая. Конец войне. И к концу 1945 года Николай Васильевич возвращается с фронта в чине подполковника медицинской службы, увешанный боевыми орденами и медалями. После небольшого отдыха зимой 1946 года он вновь возвращается в Елабугу и продолжает заведовать хирургическим отделением, где он работал ранее. А его сын Вадим продолжает учебу в Елабужской средней школе.

Будучи учеником 10-го класса, Вадим Швалев, как он говорил, страстно влюбляется в медицинскую сестру Елабужского медицинского училища Настю. Он пишет ей любовные письма, организует встречи и сочиняет стихи.

Вот одно из его объяснительных в любви стихотворений к Насте:

«К Н. ...

Девушка прекрасная,

Милая моя,

Озарила ясным

Солнцем ты меня.

Вижу снова твой чудесный,

Тонкий силуэт,

Милых слов твоих желанных

Лучше в мире нет.

Знай, моя любимая,
Нежный голос твой
Искренне и властно
Овладел душой.

Вспоминаю стрелки-брови,
Умные глаза,
Взора моего от них
Оторвать нельзя,
Потому что в нежных,
Ласковых глазах
Вижу я — о чудо!
Самого себя...

Я стою как вкопан,
Мне семнадцать лет,
Лучше этой встречи
В моей жизни нет!»

Как вспоминает сам Вадим Николаевич: «Эти объяснения, увы, так и остались в душе. После краткого свидания с Настей выяснилось, что девушка уезжает из Елабуги, а мне надо было ехать сдавать приемные экзамены в Казанский мединститут». Лирические чувства остались, но Елабуга была покинута и наступил период учебы в институте.

В институте Вадим Николаевич учился только на «отлично». Начиная со второго курса он активно посещает студенческий научный кружок по гистологии, организованный при кафедре гистологии, руководимой знаменитым профессором А.Н. Миславским. Публикует несколько научных статей. А на старших курсах у него появляется большой интерес к хирургии. Ему очень нравились хирургические операции, выполняемые И.Ф. Харитоновым и профессором-оториноларингологом Н.Н. Лозановым. И после получения диплома врача-лечебника с «отличием» в 1953 году он записывается оториноларингологом. Но когда объявили конкурс в аспирантуру по гистологии на кафедру гистологии, то он сразу подает заявление на конкурс. Как он вспоминает: «Возможно, учитывая мое участие в кружке по гистологии и наличию

научных печатных работ, да, наверное, окончание института с красным дипломом, меня сразу зачислили в аспирантуру». В аспирантуре он учится три года под руководством А.Н. Миславского и заканчивает ее в 1956 году с защитой кандидатской диссертации. Ему тогда было всего 27 лет. После аспирантуры остается работать ассистентом на этой же кафедре. С Елабугой он прощается словами: «Но навсегда в сердце остается заветный город — Елабуга, периодический приезд в который каждый раз у нас с братомлевой возрождает незабываемые впечатления о природе, лесах, рыбалках, первой влюбленности; мы знаем — каждая поездка вновь и вновь всколыхнет у нас память о счастливых годах, когда мы всей семьей находились как бы в сказочном окружении, так сильно любим мы Елабугу, ее людей и волшебные красоты природы».

В 1961 году Вадим Николаевич при Казанском медицинском институте организует третий в СССР (после Москвы и Ленинграда) Центральную научно-исследовательскую лабораторию и начинает руководить ею. В последующем Вадим Николаевич говорит: «В лаборатории работали талантливые молодые исследователи Д.М. Зубаиров, Г.И. Полетаев, В.П. Камчатнов, Н.Г. Григорьев (впоследствии ряд профессоров Казанского медицинского института)».

В 1962 году Вадим Николаевич был приглашен на работу в Ленинград, в руководимую казанцем, членом-корреспондентом АН и АМН СССР, профессором Николаем Григорьевичем Колосовым лабораторию на должность старшего научного сотрудника института физиологии им. И.П. Павлова АН СССР. На этой базе Вадим Николаевич разворачивает большую научную работу и в 1965 году, в возрасте 35 лет, под руководством члена-корреспондента АН и АМН СССР Н.Г. Колосова защищает докторскую диссертацию по теме «Иннервация почек» и удостоивается ученой степени доктора медицинских наук, а вскоре и профессорского звания.

В 1967 году он был избран руководителем лаборатории нейроморфологии Ленинградского нейрохирурги-

ческого института им. А.Л. Поленова, где он в соавторстве выпускает книгу «Висцеральная патология при поражениях ЦНС» (1975).

В 1977 году Вадим Николаевич переезжает в Москву и возглавляет лабораторию нейроморфологии с группой электронной микроскопии во Всесоюзном кардиоцентре (ныне Российский кардиологический научно-производственный комплекс Минздравсоцразвития Российской Федерации) и заведует этой лабораторией вот уже 35 лет. В 1981 году им выпущена книга «Внезапная смерть» тиражом 100 тысяч экземпляров.

В 1998 году на этой базе он выпускает монографию «Морфологические основы иннервации сердца», которая переиздается в 2002 году. В этой работе Вадимом Николаевичем было показано, что фибрилляции и внезапной смерти предшествуют процессы очаговых поражений адренергических сплетений миокарда, а также были выявлены изменения нервной системы при ряде основных кардиологических заболеваний (атеросклероз, гипертония, ИБС, кардиомиопатия и др.).

Широкую известность получила его популярная книга из серии «Эврика» «Молодость и сердце», переведенная на японский и литовский языки.

В 1992 году Вадимом Николаевичем было основано Российское общество нейрогистологов им. Б.И. Лаврентьева — воспитанника Казанской нейрогистологической школы, которым он руководит со дня основания.

В 1994 году им была создана кафедра биологии человека Международного университета природы, общества и человека «Дубна». Им выпущен ряд учебников по биологии для студентов.

У Вадима Николаевича хорошая подруга жизни — супруга Надежда Ильинична Швалева, врач-невропатолог высокой квалификации, кандидат медицинских наук, которая вот уже несколько десятилетий работает в Кремлевской больнице.

Надежда Ильинична женщина красивая, добрая, с милой душой. Она очень гостеприимная. Любит встречать

гостей и вкусно угощать домашними сладостями. Любит читать художественную литературу, слушать классическую музыку. Она обожает чистоту, красоту и уют в доме. У них много произведений изобразительного искусства.

У Вадима Николаевича двое сыновей: Олег и Николай. Оба они выучились на врачей. Старший (Олег) — кандидат медицинских наук, доцент Санкт-Петербургской медицинской академии, а младший (Николай) — оториноларинголог-логфониатор, консультант артистов Мариинского оперного театра им. М.П. Мусоргского.

Мы с моей женой Надеждой Ильиничной и сыновьями Вадимом и Сергеем с их семьей дружим давно, несколько десятков лет.

В мае 2009 года медицинская общественность, родные и друзья отпраздновали 80-летие Вадима Николаевича. Была дана высокая оценка его деятельности. В этот день я ему подарил солидный его портрет, написанный народным художником Чувашской Республики, заслуженным художником Российской Федерации Николаем Прокопьевичем Карачарсковым, чему он был очень рад.

Представляет определенный интерес содержание письма Вадима Николаевича, присланного мне накануне своего 80-летия:

«Дорогой Николай Григорьевич!

Все перечисленные титулы и звания мои с великой радостью отдал бы за то, чтобы лишь ненадолго вернуть молодость...

Прожитые годы полны множества самых разных событий, ярких переживаний при разных встречах. Любовь к незабвенным, так дорогим сердцу родителям, останется до конца жизни; память свято хранит воспоминания о картинах родной природы, о путешествиях и множестве городов мира. Да здравствуют произведения искусства, подвиги научной мысли!

Отметить юбилей планирую в конце декады июня...

Поцелуйте Надю (моя жена. — *Авт.*), сердечный привет Вадиму и Сереже (мои дети. — *Авт.*) и всей семье.

Искренне Ваш (подпись)».

С Вадимом Николаевичем мы продолжаем дружить семьями. Бываем в гостях друг у друга. Мы дорожим своей дружбой.

Представляют определенный интерес абзацы, которые он выписал из моего поздравительного письма с 80-летием и прислал мне. Прилагаю.

Уважаемый Вадим Николаевич!

Сердечно поздравляем Вас с 80-летием со дня рождения!

80 лет.

Красивая дата, серьезная дата.

*И вот Вы уверенной поступью пришли
к своему восьмидесятилетию.*

*Вы вкладываете много энергии и труда в одну
из интереснейших наук в медицине — нейростологию.
Статьи, доклады, монографии, учебники — их не счесть;
их изучают, ими руководствуются во всех
медицинских ВУЗах страны и СНГ.*

Самое главное — Вы богаты своими учениками.

*Вас помнят и любят десятки Ваших учеников,
живущих во многих городах России и за рубежом.*

*Вот и я Ваш ученик, мой порядковый номер
в этом счете первый.*

Я рад и горд тем, что Вы мой Учитель.

*Вы помогли мне, хирургу, сделать первые робкие шаги
в нейростологии, как будто получилось. И наша
с Вами клетка II типа Догеля получила признание.*

Низкий поклон Вам, мой дорогой Учитель.

*Пусть Вас всегда окружают понимающие, любящие,
готовые в любую минуту прийти
на помощь родные и близкие.*

*В этот праздничный день примите искренние пожелания:
крепкого здоровья, счастья и долгих лет жизни
от всей большой семьи Григорьевых.*

г. Чебоксары

31 мая 2009 года.

**В гостях у матери Вадима Николаевича.
Слева: академик В.Н. Швалев, его мать Александра Ивановна,
брат Л.Н. Швалев и писатель, профессор Н.Г. Григорьев.
Казань, 2003 г.**

**Академик В.Н. Швалев в гостях у Н. Григорьева.
Слева: мой сын-хирург В.Н. Григорьев, В.Н. Швалев
с моей внучкой Галей, моя сноха О.А. Чернойрова, мастер спорта,
доцент ЧГПУ и моя жена Н.И. Григорьева. Чебоксары, 2006 г.**

**Академик РАЕН В. Швалев со своими друзьями:
академиком АН Республики Татарстан Д. Зубаиловым
и академиком НАНИ Чувашской Республики
Н. Григорьевым. Казань, 2003 г.**

**Академик РАЕН В. Швалеv (в середине)
со своим братом профессором Л. Швалеvым (справа)
и моим сыном хирургом В. Григорьевым.
Чебоксары, май 2003 г.**

Вадим Николаевич (слева) в Чебоксарах со своими учениками — докторами наук Н.В. Карсаковой и Н.Г. Григорьевым.

**Супруги Швалевы:
Владимир Николаевич
и Надежда Ильинична. 2000 г.**

Академик В.Н. Швалев в гостях в Чебоксарах с моими сыновьями Валдимом (слева) и Сергеем.

**Академик РАЕН В. Швалев выступает на заседании
Ученого Совета Казанского медицинского университета
в день присвоения ему звания «Почетный профессор
Казанского медицинского университета».
Казань, 14 мая 2003 г.**

**Академик РАЕН В. Швалеv (справа)
со своим первым учеником в области науки
доктором медицинских наук, профессором,
академиком НАНИ Чувашской Республики,
членом Союза писателей России Н. Григорьевым
у главного здания Казанского медицинского
университета. 2003 г.**

Академик В.Н. Швалев (второй справа) с сестрой матери Елизаветой Ивановной и сыновьями Олегом (слева) и Николаем.

**Академик РАЕН В. Швалев в день своего 80-летия.
Москва, 31 мая 2009 г.**

В очерке использованы фотографии из семейных архивов В. Швалева и автора данной книги.

«Я не помню, когда не
хотел стать хирургом».

Ф.Г. Углов

**Академик РМАН
Углов Федор Григорьевич
(1904—2008)**

Академик Углов Федор Григорьевич

Всю жизнь в моем сердце и другой учитель, уже в области хирургии, академик из Ленинграда Федор Григорьевич Углов (кардиохирург), действительный член Российской Академии медицинских наук, заслуженный изобретатель СССР, лауреат Ленинской премии, лауреат Международной премии Андрея Первозванного в номинации «За веру и верность», который, будучи уже в 100-летнем возрасте, производил операции на сердце.

Федора Григорьевича я впервые увидел в 1962 году в г. Саратове на Втором съезде хирургов РСФСР.

В 1963 году академик А.А. Вишневский — сын академика А.В. Вишневского, будучи главным хирургом Советской Армии и директором Института хирургии им. А.В. Вишневского г. Москвы, всерьез взялся готовить кардиохирургическую бригаду в клинике им. его отца А.В. Вишневского г. Казани и помочь организовать на этой базе кардиохирургический центр и наладить производство операций на сердце.

В список этой бригады включили и меня, ординатора. Тогда заведующий клиникой им. А.В. Вишневского г. Казани профессор Иван Федорович Харитонов созвонился с академиком Федором Григорьевичем Угловым — заведующим кафедрой госпитальной хирургии Первого Ленинградского медицинского института, и получил согласие принять меня на подготовку по кардиохирургии.

И вот я в клинике академика Ф.Г. Углова. Идет утренняя конференция клиники. Большой светлый зал заполнен профессорско-преподавательским составом, аспирантами, ординаторами и хирургами.

Время 8 часов. Входит в зал Федор Григорьевич. Присутствующие встречают его стоя. Дежурный врач докладывает о дежурстве. Удивительно, что академик Федор Григорьевич спрашивает у дежурного о состоянии больных, оперированных накануне поименно и подробно. Дежурные врачи к докладу подготовились очень серьезно. На этой конференции обсуждали и больных, идущих на операцию, и тяжелых больных в отделении.

Помню случай: через месяц стажировки мне начали доверять самостоятельное дежурство по клинике, что включало и наблюдение за оперированными больными, так как и реанимационной службы таковой, как сейчас, тогда не было. Все шло хорошо. Ничего необычного. Вдруг медицинская сестра послеоперационной палаты докладывает, что у больного «К», оперированного вчера по поводу стеноза митрального клапана, участился пульс и появилась аритмия сердца. Я понял, что сигнал тревожный, но и знал, что предпринять в этих случаях, быстро вошел в палату, посмотрел больного: у больного экстрасистолия, пульс 130 ударов в минуту — много, больному назначил атропин 0,5 мл, что делали всегда. Сердцебиение больного нормализовалось, экстрасистолия исчезла. Я успокоился.

Обо всем этом доложил на утренней конференции академику Ф.Г. Углову. Он внимательно послушал мое сообщение и в конце сказал: «Хорошо, что не растерялись, справились, однако такому больному, который страдал еще до операции выраженной аритмией сердца, большую дозу атропина одновременно вводить было нельзя, могла наступить остановка сердца. Доктору из Казани (он меня звал всегда так) повезло. Все обошлось. Впредь, не только ему, но и всем другим врачам в подобных случаях с введением атропина в больших дозах следует быть осторожным. В этих случаях лучше использовать дозу 0,2 и 0,3, но вводить медленно под контролем пульса. А молодому доктору в данном случае следовало бы посоветоваться со старшим товарищем. Если необходимо, то можно звонить и ко мне». Конечно, его слова сильно взволновали меня. Это же говорит академик, и то, что все это им было сказано без малейшего повышения голоса, спокойно и уважительно к молодому врачу, меня успокоило. Я решил как можно больше читать и познавать тайны сердечной хирургии. Этому способствовала сама обстановка в клинике и своеобразная подготовка молодых кардиохирургов по апробированной методике самого Федора Григорьевича.

Как я понял, методика подготовки молодых хирургов у Ф.Г. Углова состояла из трех этапов: первый — это теоретическая подготовка, второй — научить молодого хирурга диагностировать сердечные болезни, выбрать правильную тактику и стратегию лечения больного, третий — приучение хирургов-стажеров к самостоятельной хирургической работе при патологиях сердца.

Такая методика обучения, на мой взгляд, была логична и эффективна. В чем убедился я лично. Например, чтобы ускорить сроки моей теоретической подготовки, Федор Григорьевич привлекал меня в качестве своего помощника к консультативному приему больных. Такой прием он проводил еженедельно. Это 15—20 человек со всего Советского Союза. Я должен был предварительно ознакомиться с документами больного, собрать анамнез, послушать, поставить свой диагноз, определить тактику лечения и доложить академику. Соответственно, он документы больного не изучал. Иногда лишь заглядывал в данные электрокардиографических, фонографических, рентгеноконтрастных исследований. Разумеется, что на начальных этапах мне было трудно. Я ошибался, и он незаметно для больного исправлял мои ошибки. Работу сердца он слушал у каждого пациента.

Свои заключения он диктовал, затем прочитывал, подписывал и вручал больному лично или давал направление для госпитализации. Больные уходили от него в надежде на лучшее будущее. Он подсказывал мне, какую литературу читать в данный момент. Помню, что среди книг, которые я должен был прочитать, была книга основателя сердечно-сосудистой хирургии СССР, организатора и первого директора Института сердечно-сосудистой хирургии АМН (ныне им. А.Н. Бакулева) Александра Николаевича Бакулева, с которым он близко дружил, «Хирургическое лечение митрального стеноза». Самого академика Александра Николаевича Бакулева я впервые увидел в г. Саратове в 1962 году, будучи делегатом

Второго съезда Всероссийского Общества хирургов. Помню, он сидел в президиуме съезда. И вскоре, с началом работы съезда, он встал и ушел. Я запомнил его человеком выше среднего роста, стройным, худощавым, красивым мужчиной с русским приятным лицом, которое у него было слегка бледноватое. Одет он был в серый костюм, аккуратно сидящим на нем, белую рубашку с галстуком. Вдоль зала он прошел спокойно, как бы прощаясь, а не через дверь, расположенную рядом с трибуной, а в конце зала, но не оглядываясь. Больше я его нигде и никогда не видел. Но его книга «Хирургическое лечение митрального стеноза» (Медиздат, 1958) стала для меня настольной книгой. Я ее купил в Ленинграде и храню как добрую память об академике Федоре Григорьевиче Углове и авторе книги Александре Николаевиче Бакулеве — основателе сердечно-сосудистой хирургии в СССР, Герое Социалистического Труда, лауреате Ленинской премии и Государственных премий СССР, академике АН и АМН СССР, депутате Верховного Совета СССР.

Я очень благодарен Федору Григорьевичу за то, что он научил меня мыслить творчески, принимать обдуманные и хорошо взвешенные решения, особенно при операциях на сердце, не стесняться, если необходимо в интересах больного, советоваться с коллегами.

В памяти остался еще и такой случай. Очередной раз докладываю на утренней конференции о состоянии больного, идущего на операцию по поводу митрального стеноза. Закрывая конференцию, вдруг Федор Григорьевич заявляет: «Сегодня первым моим помощником на операции будет ординатор из Казани Григорьев», и уходит. Для меня это было неожиданностью. Конечно, заволновался, хотя в его клинике я уже третий месяц и много раз участвовал в подобных операциях на сердце в качестве первого помощника, но помогать академику не приходилось.

Успокоила меня профессор Т. Захарова и напутствовала: «Не волнуйтесь, Николай Григорьевич. Все будет нормально. Федор Григорьевич оперирует спокойно, лишь

не мешайте ему своими лишними движениями». Ее спокойный тон вернул мне равновесие, я успокоился.

Помылся со своим помощником. Вскрыл грудную клетку, сердечную сорочку и наложил кисеты на желудочек и левое ушко сердца — кисетные держалки, как было принято. Федор Григорьевич освободился от операции на соседнем столе, снял перчатки, халат, вновь помылся, надел новое стерильное белье, перчатки и подошел к нашему столу. Посмотрел и, ничего не сказав, продолжил операцию. Неожиданно, не натянув кисет на левом ушке, он срезает ушко и выпускает струю крови, что делается при наличии тромба в левом ушке. Кровь хлынула на мое лицо и халат, но я не растерялся. Мгновенно ушко сердца зажал пальцами, т.к. концы нитей от кисета на ушке он держал сам, но почему-то не стягивал. Далее все пошло хорошо. Слипшиеся створки двустворчатого клапана разъединили при помощи комиссуротома, введенного в полость сердца через разрез на левом желудочке. Операцию завершили по общепринятой методике.

Через несколько дней шефствующий надо мной доцент подходит ко мне и говорит: «Знаете, Николай Григорьевич, что сказал про Вас Федор Григорьевич?». — «Нет». Тогда он продолжил: «Из Григорьева толк будет, займитесь им». После этого меня брали на операцию почти каждый день. И во второй половине третьего месяца стажировки с помощью старших коллег я произвел несколько самостоятельных операций — комиссуротомию. Меня вдохновили его слова. И трехмесячная подготовка у такого великого кардиохирурга, как Федор Григорьевич, мне давала уверенность, что я смогу освоить специальность кардиохирурга.

За три месяца учебы я так привык к Федору Григорьевичу и руководимому им коллективу, а также к одному из красивейших городов мира — Ленинграду, что не хотелось уезжать.

Федор Григорьевич с подчиненными был строг, и в то же время оставался человеком душевным и простым в

обращении. Чувствовалась его высокая культура — интеллигентность и человечность.

Он был человеком невысокого роста — 163—165 см, худощавым, но жилистым. На морщинистом лице отпечатались перенесенные невзгоды. Его карие глаза смотрели на собеседника очень внимательно. Выступала у него небольшая сутулость. Одевался он опрятно, ходил быстро, легкой походкой. К спиртному относился резко отрицательно, не курил, да и в клинике у него никто не курил. Всем курящим он предлагал перейти работать в клинику А.П. Колесова, заявив, что у него не курят, а у Колесова — курят.

Курящего в подвале здания он чувствовал с пятого этажа клиники и просил сотрудников привести нерадивого работника к нему в кабинет для проведения разъяснительной беседы. И эта беседа, как говорили в клинике, обычно была первой и последней.

Когда я познакомился с ним близко, то ему было уже 59 лет, но выглядел он молодым и здоровым.

Родился Федор Григорьевич 5 октября 1904 года в Восточной Сибири, севернее Байкала, на могучей реке Лене в д. Чугуево Киренского уезда.

Его отец был слесарем-токарем на Пермском металлургическом заводе, которого сослали в Сибирь за революционные убеждения. Женился на местной крестьянке. С ней воспитали шестерых детей: трех девочек и трех сыновей. Старше Феде были брат и три сестры.

Достигнув семилетнего возраста, Федя Углов начинает посещать приходскую школу, расположенную в соседней деревне Андреевка, где работал учителем его старший брат Иван. По рассказам Федора Григорьевича, Иван был революционером и не раз попадал под арест. Был случай, когда колчаковцы его чуть не расстреляли как сочувствующего красным. Тогда он чудом остался живым. Помог ему товарищ-колчаковец.

Окончив учительскую семинарию, в 1923 году Федор Углов держит путь в Иркутск, где находился единственный поблизости в Сибири университет с медицинским

факультетом. А он очень хотел стать врачом. Иркутск находился от его деревни в 1100 километрах, и добраться туда было целой проблемой. И он выходит на далекий неизведанный путь. Лишь через 22 дня он добирается до Иркутска — едет на лошадях, меняя их через 30 км, на лодках, баржах, которые тянули двое здоровых лошадей вдоль р. Лены, то на грузовой автомашине и др. Вот он достиг цели — добрался до Иркутского университета и подает заявление на медицинский факультет. Вступительные экзамены сдает на «отлично» и зачисляется студентом.

По словам Федора Григорьевича: «На то, что я хотел стать студентом, сыграло свою роль мое социальное положение — сын репрессированного революционера, сосланного в Сибирь... Профессорско-преподавательский состав был, естественно, прежним... большинство из них действительно хотели помочь нам приобрести знания, но все же мы ощущали отчужденность многих из них, граничащую чуть ли не с брезгливостью...»

Трудно жилось Федору Григорьевичу в студенческие годы, свирепствовал еще голод. В университете он встречает студентку Веру, тоже с медицинского факультета, влюбляется и на втором курсе женится.

На четвертом курсе университета за отличную учебу ему выделяют туристическую путевку в Ленинград. Эта поездка для него чуть не закончилась трагедией. Он заболевает сыпным тифом, который осложнился острым гнойным отитом внутреннего уха и сепсисом (гнойным заражением крови), по поводу чего он дважды переносит тяжелые операции. В течение 24 дней находится без сознания. Ему тогда очень помогли ленинградские профессора и молодая жена — студентка Вера. Она выхаживала его, не отходя от него ни на один час. Лечился он в больнице около шести месяцев. Врачи после излечения предложили ему Сибирь поменять на юг, и молодые студенты переводятся на медицинский факультет Саратовского университета, где учатся еще два года. Трудно было им с женой жить в эти студенческие годы. В стране сви-

репствовал голод. Чтобы прокормить семью, во время летних каникул он работал на баркасах (большая гребная шлюпка), а на старших курсах — фельдшером больницы.

После окончания в 1929 году Саратовского университета с «отличием» и получения диплома врача ему предлагают остаться аспирантом в одной из клиник университета, от чего он отказывается и просит распределить в село Кисловку Николаевского района Камышинского округа Нижневолжского края в качестве заведующего врачебным участком. Нелегко было здесь работать — в день по 60—70 человек на приеме с разными болезнями.

Вспоминая эти годы, Федор Григорьевич в одной из своих книг рассказывал о трагическом случае: «Ребенка с тяжелой формой пневмонии, с матерью послал в процедурный кабинет поставить на грудь ребенка банки... Вдруг услышал жуткие крики. Вбежал в процедурную — увидел пламя на теле ребенка и медсестры Нюры. Схватив простыню со стола, быстро окутал ею малыша, погасил на нем пламя, помог Нюре... Оказалось, что медсестра нечаянно пролила бензин, который она использовала для экономии спирта, на тело ребенка и на свой халат... Как ни старались... ребенок умер... Районный суд присудил врачу Углову шесть месяцев принудительной работы условно... Я подал кассацию в окружной суд». Здесь его оправдали.

Проходят годы, точнее, буквально через три года, перенесенные осложнения после тифа вновь начинают его тревожить, и на этот раз, как и в первый раз, врачи предлагают ему место работы поменять на юг. И в 1930 году он с женой едет в село Отобая, что в Абхазии, амбулаторным врачом. Но душа тянула его к хирургии, и в 1931 году он переезжает в Ленинград. Устраивается хирургом с Мечниковскую больницу, где базировалась хирургическая кафедра В.А. Оппеля.

Но долго работать в клинике имени Н.И. Мечникова, которой ранее руководил В.А. Оппель, а при Ф.Г. Углове — профессор Н.И. Самарин, ему не удастся. Дело было, по словам Углова, так: у него появилось желание научно

анализировать причину возникновения абсцесса (гнояника) в области прямой мышцы живота на одном и том же месте у больных, перенесших сыпной тиф. И как-то он сказал: «Я набрал материал, сделал доклад на Оппелевском научном хирургическом кружке. Доклад был встречен с большим интересом, и профессор Н.И. Самарин попросил меня продемонстрировать препараты. А препараты, оказывается, уборщица выбросила в уборную, о чем я доложил профессору. Профессор разъярился и сказал: «Даже одно это — отношение Углова к препаратам, характеризует его как некудышного научного работника. И почему такое восхваление доклада? В нем, если разобраться, нет ничего научного, а от Углова вижу никогда толкового научного работника не получится. Крыльев для полета нет». Но Федор Григорьевич чуть позднее доказал профессору Н.И. Самарину, что у него есть крылья, да такие сильные, которые подняли его так высоко в небеса — выше его.

Жена Вера Михайловна вместе с ним тоже переехала тогда в Ленинград и устроилась работать на кафедру акушерства и гинекологии.

Пройдя определенную подготовку по хирургии, в 1933 году, при мобилизации Ленинградским облздравотделом врачей-коммунистов в Сибирь, Федор Григорьевич просит его направить в Восточную Сибирь, т.е. в свой родной город Киренск хирургом. Здесь он встретится с неким лжехирургом Кемферт, который, не имея никакого медицинского образования, производил людям надуманные операции и подряд направлял их в «иной мир». С трудом Федору Григорьевичу удастся разоблачить этого негодяя.

Через 4 года работы в Киренске, в 1937 году, он поступает в аспирантуру на кафедру хирургии профессора Н.Н. Петрова Ленинградского института усовершенствования врачей. К этому времени Федор Григорьевич уже был опытным хирургом, и Н.Н. Петров, в отличие от других аспирантов, разрешает ему выполнять достаточно большие операции, как резекция и тотальное удале-

ние желудка при его раковом поражении, операции на толстом кишечнике и др.

Через год учебы в аспирантуре, т.е. в 1938 году, Федор Григорьевич защищает кандидатскую диссертацию по теме «Пресакаральные тератомы» и вскоре выпускает монографию «Тератомы пресакаральной области» (1939).

В 1939—1940 годах он служит в армии. С 1940 года работает ассистентом кафедры хирургии Ленинградского института усовершенствования врачей у Н.Н. Петрова.

22 июня 1941 года начинается Великая Отечественная война, и их больница, где располагалась кафедра, превращается в госпиталь. Федора Григорьевича назначают заведующим хирургическим отделением. Госпиталь работал с большой нагрузкой. Как вспоминал Углов: «Здание обстреливалось. Бывали дни, когда госпиталь работал без окон и дверей. За годы блокады Ленинграда на больницу, где располагался институт усовершенствования врачей, превращенный в госпиталь, немцы сбросили пять авиабомб. Много раз попадали снаряды, которые выбивали окна, двери, а одна бомба попала на межэтажное перекрытие, и погибло много сотрудников и больных». Блокаду Ленинграда сняли лишь 3 января 1944 года. 9 мая 1945 года — День Победы.

По рассказам Федора Григорьевича, во время блокады в городе свирепствовал голод, и люди умирали, «как мухи». За 900 дней блокады в городе умерли 600 тыс. человек.

Федор Григорьевич никуда не выезжал из блокадного Ленинграда. Да и после войны всю оставшуюся жизнь, посвященную людям, он прожил в Ленинграде.

Во время войны и после, до 1950 года, он работал в клинике Н.Н. Петрова — ассистентом, с 1944 — доцентом, 1950 г. — профессором.

В 1948 году им была защищена докторская диссертация по теме «Хирургическое лечение нагноительных процессов легких».

С 1950 года он заведует кафедрой госпитальной хирургии I Ленинградского медицинского института и начинает всерьез заниматься кардиохирургией.

В 1956 году Федор Григорьевич производит свою первую операцию по накладыванию портокавального анастомоза. Вскоре он осваивает и пересадку клапанов сердца, начинает применять искусственную гипотермию, искусственное сердце и др.

Будучи даже в возрасте 100 лет, Федор Григорьевич не прекращал свою хирургическую деятельность. Затаив дыхание наблюдали его коллеги, когда он с уверенностью брал в руки скальпель и начинал оперировать. Он автор 950 научных работ, в т.ч. 8 монографий. Под его руководством защищено 18 докторских и 76 кандидатских диссертаций. Он более 20 раз выезжал за рубеж в качестве делегата международных хирургических конгрессов (Индия, Америка и др.). Ему принадлежат 10 опубликованных художественно-публицистических произведений. Снискали большую популярность такие книги, как «Сердце хирурга», «Человек среди людей», «Под белой мантией» и др. Он член Союза писателей РСФСР. В 1994 году его имя занесено в книгу рекордов Гиннеса, свидетельствующую, что «академик РАМН Углов Федор Григорьевич является старейшим практическим хирургом в России и СНГ и имеет самый продолжительный стаж работы в отечественной хирургии — 65 лет, с 1929 по 1994 гг.». Теперь стаж работы Углова составляет 78 лет.

На всю жизнь запомнились мне уроки Федора Григорьевича. Трехмесячная стажировка дала мне максимум теоретических и практических знаний, и эти знания я старался реализовать в жизни на всех этапах своей работы.

По возвращении в клинику им. А.В. Вишневского г. Казани мы с доцентом клиники Вильсуром Сагитовичем решили подобрать больного на первую операцию на сердце в составе своей кардиохирургической бригады клиники. Пришли в терапевтическую клинику института к известному в стране профессору З.И. Малкину. Нам показали несколько больных, страдающих митральным стенозом на почве ревматизма. Однако все больные, пока-

занные нам, продолжали болеть активной формой ревматизма. И я, памятуя установки академика Углова, что активная форма ревматизма является одним из противопоказаний для оперативного лечения митрального стеноза, отказался от показанных мне пациентов. Меня поддержал и Вильсур Сагитович. Тогда профессор З.И. Малкин, вроде шутя, сказал нам: «Может быть, для начала Вам, мои коллеги, дать здорового парня?» Мы поняли юмор профессора. Ведь тогда еще между терапевтами и хирургами сохранялись разногласия по вопросам определения показаний к операции комиссуротомии при ревматическом пороке сердца.

Мы расстались с профессором Малкиным в полном взаимопонимании, и он нам пообещал, что при подборе больных с учетом наших интересов обязательно позвонит нам. Вскоре кончились сроки моей учебы в целевой клинической ординатуре.

Как бы ни старались мой профессор И.Ф. Харитонов и ректор мединститута Р.А. Вяселев оставить меня после целевой клинической ординатуры в Казани, ничего не получилось. Приказ Минздрава РСФСР был строгим и обязывающим ректоров: оканчивающих целевую клиническую ординатуру обязательно отправить их по месту направления. Даже согласие министра здравоохранения Чувашии не могло оказать свое влияние на решение моего вопроса.

Я вернулся в республику, и меня направили хирургом в Канашскую городскую больницу.

С моим выходом на работу заведующий хирургическим отделением А.З. Якимов ушел в очередной отпуск, возложив на меня обязанности заведующего. Меня не оставляла мечта организовать и начать здесь, при Канашской городской больнице, оперативное лечение больных с митральным стенозом. Со своим планом поделился с и.о. главного врача И.А. Дмитриевым. Он дал добро.

В медтехнике г. Чебоксары набрал необходимые для этих целей инструменты и договорился с бригадой хи-

рургов Казанской клиники им. А.В. Вишневского. В терапевтическом отделении больницы отобрал 23-летнюю девушку Наташу, которая в течение многих лет страдала от стеноза митрального клапана и задыхалась от недостатка воздуха. Она и родители дали согласие на оперативное лечение. Начали ее усиленно готовить к операции. На 14 сентября 1963 года назначили день операции, что согласовал с хирургами и опытным врачом-анестезиологом при операциях на сердце В.Е. Савельевым из г. Казани.

Все шло нормально, и коллектив хирургического отделения Канашской городской больницы был настроен по-боевому и готовился к этому дню. Однако, учитывая тяжесть предстоящей операции на сердце, решил поставить в известность главного хирурга Минздрава И.М. Кузнецова. До операции оставалось еще три дня.

Игнатий Максимович, услышав по телефону о моих серьезных намерениях произвести операцию на сердце в Канашской городской больнице, заявил очень сердито и строго в форме приказа: «Вы что, с ума сошли! Такую сложную операцию решили проводить в Канаше? Мы их не делаем даже в Чебоксарах. Я, как главный хирург республики, категорически запрещаю Вам делать это!» — и прервал телефонный разговор. Тут же он позвонил и.о. главного врача больницы И.Д. Дмитриеву и тоже наложил категорический запрет. Это сильно огорчило меня и коллектив хирургического отделения, но проявить непослушание я не мог, хотя имел определенный опыт по производству операций комиссуротомии и полное юридическое право выполнить такую операцию. Мне оставалось лишь извиниться перед больной, ее родственниками, коллективом отделения, казанскими коллегами. А больную направили в Горьковский кардиологический центр к академику Б.А. Королеву. И мечта стать кардиохирургом у меня осталась на всю жизнь лишь мечтой.

С 1950 года вся трудовая деятельность Ф.Г. Углова неразрывно связана с Первым Ленинградским медицинс-

ким институтом им. И.П. Павлова (ныне Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова), куда он был избран по конкурсу на должность заведующего кафедрой госпитальной хирургии.

По инициативе Ф.Г. Углова Указом Совета Министров СССР для кафедры и клинико-госпитальной хирургии на территории института в 1965 году был построен новый современный корпус, в котором приказом министра здравоохранения СССР Б.В. Петровского был открыт Всесоюзный научно-исследовательский институт пульмонологии. И многие годы названным институтом руководил Ф.Г. Углов. За разработку хирургических операций на легких на этой базе, что было изложено в монографии «Рак легкого», Ф.Г. Углов был в 1971 году удостоен Ленинской премии. Параллельно он разрабатывает уникальные приемы хирургического лечения рака грудного отдела пищевода. Далее у Федора Григорьевича основным направлением научной мысли будет хирургия сердца и сосудов.

Все это у него в последующем находит выражение в соответствующих монографиях, как «Осложнения при внутригрудных операциях» (1960), «Диагностика и лечение слипчивого перикарда» (1962), «Катетеризация сердца и селективная ангиокардиография» (1974) и др.

Интересный факт. Еще в 1954 году на Международном конгрессе анестезиологов и реаниматологов он сообщил, что при остановке сердца во время операции, не имея под рукой дефибрилятор, он восстановил сердечную деятельность электрическим зарядом, приложив к сердцу провода от электросети напряжением 220 в., и больной поправился. Профессор Рюгенар из Франции отметил: «В мировой научной литературе подобного факта еще описано не было».

За годы своей хирургической деятельности Ф.Г. Угловым было произведено более 10 тысяч крупных операций на сердце, легких и сосудах.

Федор Григорьевич является почетным членом хирургических обществ многих стран мира, как США, Румыния, Югославия, Перу и др.

Родина достойно оценила самоотверженную деятельность хирурга-академика страны Федора Григорьевича Углова, наградив его двумя орденами Трудового Красного Знамени, а также «Дружбы народов», «За заслуги перед Отечеством» IV и III степеней, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», присвоением Ленинской премии, званий Героя Социалистического Труда, «Заслуженный изобретатель СССР», медалями «За заслуги перед отечественным здравоохранением» и «В память 300-летия Санкт-Петербурга». Ф.Г. Углов — лауреат Первой национальной премии лучшим врачам России «Признание» в номинации «За верность профессии» (2002), лауреат Международной премии Андрея Первозванного в номинации «За Веру и Верность» (2003). В этом же году он награждается дипломом лауреата конкурса «Золотая десятка Санкт-Петербурга» с вручением наградного знака «Достоинство». В 2004 году он стал кавалером Благотворительного фонда «Меценаты столетия» с вручением ордена «Меценат» за величие души и бескорыстную щедрость. Ф.Г. Углов награжден золотой медалью академика В.И. Бураковского, которая является высшей наградой НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАМН «За выдающийся вклад в становление и развитие отечественной хирургии» и др. Он действительный член АН и АМН СССР (1966).

Моя мечта организовать в Чувашии кардиохирургическую службу осуществилась лишь в 1992 году, когда будучи министром здравоохранения республики, почти двадцать лет спустя, издал приказ об организации кардиохирургического отделения на базе Республиканского кардиологического диспансера. Этим же приказом была организована кардиохирургическая бригада в составе хирургов В.Ю. Кашина, Ю.Н. Глебова, анестезиолога Ю.П. Иванова и перфузиолога Р.А. Беляева и направлена в Москву в Институт сердечно-сосудистой хирургии им.

**Академик Ф.Г. Углов и его жена Эмилия Викторовна
в цирке. Ленинград, февраль 1963 г. Фото автора.**

**Академик Ф.Г. Углов в день
своего 60-летия. 1964 г.**

**Герой Соцтруда,
лауреат Ленинской
премии, академик
АН и АМН СССР
Углов Федор
Григорьевич
в день 95-летия.
5 октября 1999 г.**

**Герой Соцтруда, лауреат Ленинской премии, академик
АН и АМН СССР Углов Федор Григорьевич в день 100-летия
после исполнения операции на сердце. Октябрь 2004 г.**

А.Н. Бакулева. Вернувшись из Москвы кардиохирургическая бригада во главе с В.Ю. Кашиным начала производить несложные операции на сердце, как установка электростимулятора при лечении аритмии сердца. В последующем эта бригада неоднократно стажировалась в разных центрах Москвы по сердечно-сосудистой хирургии.

В 1997 году по улице Гладкова сдается в эксплуатацию кардиохирургический корпус Республиканского кардиохирургического диспансера и на этой базе 27 октября 1997 года же с участием сотрудников Всероссийского научного центра хирургии профессора В.А. Иванова и доктора медицинских наук В.А. Кожевникова и наших, чувашских, кардиохирургов В.Ю. Кашина, А.А. Овчинникова и В.А. Доброхотова производится первая в Чувашии операция на открытом сердце с применением аппарата искусственного кровообращения по замене митрального клапана. А в декабре 1998 года подобную операцию выполняет самостоятельно заведующий кардиохирургическим отделением Республиканского кардиохирургического диспансера В.Ю. Кашин. В настоящее время кардиохирурги Чувашии выполняют все сосудистые операции по замене всех клапанов сердца с применением аппарата искусственного кровообращения.

Я всегда восхищался Федором Григорьевичем, продолжаю восхищаться и теперь его талантом, хирургическим мастерством, новаторством его научных исследований и изобретений, его душевностью к молодым хирургам и пациентам, умением сохранять здоровье и силу, чтобы оперировать и в 100 лет. Это наша гордость — гордость россиян. Я считаю себя счастливым человеком, что имел возможность с ним тесно общаться в течение трех месяцев, еженедельно бывать на его консультативном приеме, помогать ему и учиться у него диагностике, определению показаний при приобретенных пороках сердца и осваивать оперативное лечение митрального стеноза — комиссуротомии и увидеть лично его доброе и душевное отношение к пациентам и полное желание помочь им чем-то. Я гордился им и продолжаю гордиться и по сей день.

Федор Григорьевич, можно сказать, всю свою жизнь прожил в Ленинграде, включая блокаду города. Выдержал голод, холод, взрывы бомб и снарядов прямо в самом здании госпиталя, где он работал, был при этом свидетелем гибели коллег и раненых бойцов, но не дрогнул, продолжая оперировать днем и ночью при разнесенных окнах и дверях госпиталя. Он был героем фронта, настоящим патриотом Родины, любимцем своего народа и приближающим День Победы — 9 мая 1945 года.

Сердце Федора Григорьевича — любимца ленинградцев и всех граждан СССР, далее — России — перестало биться 29 июля 2008 года на 104 году жизни.

Земной ему поклон — моему учителю и вечные слава и память.

«Он пересадил сердце 25
собакам».

Н. Григорьев

**Академик Королев Борис Алексеевич
(1909—2010)**

Академик Королев Борис Алексеевич

Я благодарю судьбу, что сам Бог дал мне возможность встретиться и подружиться с другим всемирно известным кардиохирургом, прожившим также более 100 лет — Борисом Алексеевичем Королевым. Это было так.

В начале апреля 1970 года в Казань, в клинику им. А.В. Вишневского, где я работал, приехал министр здравоохранения Чувашской АССР Иван Филиппович Филиппов и пригласил меня на должность освобожденного главного хирурга Минздрава, с чем я согласился, правда, не сразу, и с 23 апреля 1970 года начал работать в Минздраве Чувашской АССР на этой должности.

Работу главного хирурга я сочетал с хирургической, научной и общественной деятельностью. Постепенно я привыкал к этой сложной и ответственной работе, и она пошла своим чередом.

Где-то в июле 1975 года вечером у меня дома раздался телефонный звонок из Горького (ныне Нижний Новгород). Поднимаю трубку и слышу: «С Вами говорит из Горького профессор Королев. Мы с женой на туристическом пароходе поплывем вниз по Волге до Астрахани и обратно. В Чебоксарах будем через день. Хотелось бы с Вами встретиться». Я с радостью согласился.

Действительно, на следующий день туристический пароход из Горького причалил к пристани в Чебоксарах. Еще до встречи я услышал о Борисе Алексеевиче много: он отличный кардиохирург, пациентов из Чувашии, как взрослых, так и детей, принимает безотказно. У меня имелись сведения, что только за истекшие годы им одних только детей с пороками сердца из Чувашии прооперировано более 3500 и с хорошими результатами. Патологией сердца у детей занималась его жена Нина Ивановна и определяла показания оперативного их лечения.

Пароход точно в установленное время причалил, подали трап. Вижу, по трапу спускается человек невысокого роста, с благородной улыбкой на лице. Рядом шла женщина,

кажется, выше его, спортивного телосложения в черном костюме. Оба смотрели на меня и улыбались, как бы мы уже знакомы с ними давным-давно. Хотя я видел Бориса Алексеевича 13 лет тому назад на Втором съезде Российского общества хирургов в Саратове лишь издалека, а жену Нину Ивановну вообще никогда не видел, но сразу догадался, что это они, и не ошибся. Тепло мы встретились прямо на пристани и поехали к нам в гости. Сидели долго, за чаем поговорили обо всем: о личной жизни, о службе, о хирургии в Чувашии и моей научной, т.е. докторской работе. Перед нами сидели такие добрые и душевные люди.

Помню Бориса Алексеевича, как человека невысокого роста, спортивного телосложения, но худощавого, со скулами, острым изучающим взглядом, малоразговорчивого. Он был быстрым в движении. Будучи в Горьком, у него в клинике я был свидетелем того, когда он поднимался по лестнице, то курсанты за ним не успевали — он по лестнице буквально бежал, перешагивая ступеньки.

Борис Алексеевич и Нина Ивановна почти ежегодно путешествовали по Волге на туристическом пароходе Москва—Горький—Чебоксары—Астрахань и обратно. Нередко по пути останавливались в Чебоксарах и бывали у нас. Они очень любили посещать старые Чебоксарские храмы и музеи. Так мы с ними год за годом становились ближе и ближе. Мне, как хирургу, было интересно с ними общаться. Далее Борис Алексеевич начал мне активно помогать и в области науки. Теперь уже я стал часто бывать у него на работе и дома. Квартира у него была скромная, в основном обставлена старинной мебелью. Было много книжных шкафов. Никогда не отпускал, не угостив чаем. На прощание старался подарить какую-нибудь свою монографию или материалы научных конференций. А книгу от 2000 года «Я вспоминаю» он прислал мне домой с автографом: «Семье Григорьевых на память с самыми наилучшими пожеланиями. Здоровья, счастья, успеха в работе. 24.01.2002. Б. Королев».

А рабочая комната в клинике у него была достаточно большая и светлая. В левом углу комнаты стояли его боль-

шой рабочий стол и кресло. На столе оставался небольшой участок для работы, а остальная часть заложена множеством книг, монографиями, журналами, научными статьями, авторефератами и диссертациями.

На первый взгляд кажется, на столе беспорядок, но Борис Алексеевич знал точно, где и какая бумага лежит у него на столе. В этом убедился я сам лично, когда приехал к нему за готовым отзывом на свою докторскую диссертацию. Отзыв на мой автореферат и диссертацию он поднял со стола одним движением руки, не сдвинув с места ни одной другой работы.

Он рецензировал и мою монографию «Хронический холецистит». Дал высокую оценку и рекомендацию для издания. Очень много я с ним консультировался и при выполнении своей докторской диссертации. Он давал ценные советы и при окончательном оформлении диссертации. Его отзыв на автореферат по моей докторской диссертации был положительным. Защита диссертации прошла успешно, и мне присвоили ученую степень доктора медицинских наук. Я очень благодарен Борису Алексеевичу.

Борис Алексеевич и Нина Ивановна — люди бескорыстные. Людские страдания они принимали близко к сердцу. Например, при очередном заезде их к нам мы попросили проконсультировать пятилетнюю племянницу, у которой педиатры обнаружили наличие врожденного порока сердца и предлагали оперативное лечение. Несмотря на очень ограниченное время, они дождалась девочку. А Нина Ивановна, осмотрев ее, сказала, что у девочки врожденные изменения в сердце настолько маловыраженные, что никакие оперативные вмешательства не требуются. Назначила лечение, а после завершения курса лечения просила приехать на консультацию к ней в Горький. Так наша племянница с родителями съездили к ней не один раз. Девочка поправилась без операции. Чувствовала себя хорошо, больше не болела. Ей сегодня за 30 лет, она вышла замуж, родила ребенка, ничего ее не беспокоит. Выучилась и сама на врача. Родители де-

вочки и мы были очень благодарны Королевым за оказанную помощь.

Учитывая большие заслуги перед чувашским народом — оказание хирургической помощи взрослому и детскому населению с патологией сердца, по моему ходатайству, решением правительства Чувашии Борис Алексеевич занесен в «Почетную Книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР». Вскоре после этого он получил высокое звание Героя Социалистического Труда. Я и моя семья были очень рады за эту заслуженную награду, и мы сердечно его поздравили по телефону и телеграммой.

Борис Алексеевич, кроме Геройского звания, удостоен дважды ордена Ленина. Кроме того, он награжден орденом Трудового Красного Знамени и «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Он академик АМН СССР.

Борис Алексеевич родился 7 декабря 1909 года в Казани в семье студента-медика, т.е. его отец Алексей Николаевич учился еще на медицинском факультете Казанского университета. Родом он был из Вологды. А мать, Варвара Михайловна Баркова, совсем еще юная девушка, работала на пароходе в буфете и помогала своей матери. Затем она выучится в г. Москве на провизора. Алексей Николаевич влюбился в нее при первой же встрече, и она отвечала взаимностью. И когда ей исполняется 18 лет, они женятся. После замужества она переезжает жить к мужу в Казань. Николай Алексеевич оканчивает университет, получает диплом врача и вместе с семьей выезжает работать в поселок Юрино, что на берегу Волги в Нижегородской губернии.

В 1914 году его мобилизуют на фронт. Служит он в эвакогоспитале. Семья жила рядом с ним.

В 1918 году Николай Алексеевич демобилизуется и вместе с семьей возвращается в г. Юрино. В Юрино его сын Борис Королев начинает посещать школу. Вскоре в Юрино из Новгорода переводят Кадетский корпус, и Борис Королев учебу продолжает здесь.

Отец Бориса Алексеевича в 1919 году сильно заболевает сыпным тифом и в течение двух лет лечится в Ва-

**Королев Алексей
Николаевич, отец.**

**Варвара Михайловна
Баркова-Королева, мать.**

сильсурской больнице. Жена с детьми переезжает жить сюда, а мальчик Борис продолжает учебу в Васильсурской школе. В 1920 году они возвращаются вновь в Юрино и Борис Королев ходит в местную школу. В 1923 году его отца назначают главным врачом туберкулезного диспансера, и семья Королевых переезжает в г. Нижний Новгород. Борис продолжает учебу в 5-м классе школы им. Герцена, которую оканчивает в 1929 году. Окончив школу, в этом же году Борис Королев поступает на медицинский факультет Нижегородского университета. На пятом курсе Борис Алексеевич проходит подготовку по хирургии и в 1934 году получает диплом врача. После получения диплома его сразу призывают в Красную Армию. Служит он полковым врачом Нижегородской дивизии, которая размещалась на территории Нижегородского Кремля. Лечил амбулаторно. Серьезных больных было мало, и он скучал.

В октябре 1934 года Борис Алексеевич как врач сопровождает переселенцев из Курска до Благовещенска. В августе 1935 года он демобилизуется и начинает работать в поликлинике завода «Красная Этна», что в Горьком,

и ассистентом с почасовой оплатой на кафедре оперативной хирургии и топографической анатомии. Дежурил по экстренным дням в Бабушкинской больнице и, по его словам, именно эта больница дала ему толчок, что он стал заниматься сердечной хирургией, т.к. в больницу поступало много больных с ранением сердца.

В августе 1936 года, с открытием в Горьком 7-й хирургической больницы, Борис Алексеевич переходит работать туда на должность хирурга. В 1938 году устраивается работать ассистентом кафедры факультетской хирургии, заведомой профессором Е.Л. Березовым. К этому времени Борис Алексеевич, 29-летний хирург, уже умел оперировать на желудке (тотальная резекция желудка с удалением большей части печени), удаление легкого и другое.

С началом Великой Отечественной войны его назначают ведущим хирургом эвакогоспиталей № 2807 и № 2808.

В 1944 году Борис Алексеевич под руководством профессора Е.Л. Березова защищает кандидатскую диссертацию на тему «Плазма и сыворотка крови как заменители цельной крови», а в 1951 году — докторскую по теме «Через брюшные операции на нижнем отделе пищевода и кардии желудка при раке». В этом же году в августе месяце он был избран профессором кафедры госпитальной хирургии, заведомой профессором А.А. Ожерельцевым, на новой базе клиники при больнице № 5. А основная база кафедры госпитальной хирургии находилась при областной больнице им. Н.А. Семашко.

В 1961 году было завершено строительство четырехэтажного пристроя больницы № 5, где было развернуто отделение врожденных и приобретенных пороков сердца и ревматологическое отделение и др. Далее было построено шестизэтажное здание и развернуты кардиохирургическое отделение, врожденных пороков сердца, отделение реанимации, операционный блок с шестью операционными. И Б.А. Королев полностью переходит работать на кафедру госпитальной хирургии.

Возглавлял кафедру госпитальной хирургии Борис Алексеевич в течение 36 лет. Основными направлениями

работы в хирургии у Бориса Алексеевича были: абдоминальная — желудочная хирургия, хирургия желчного пузыря и поджелудочной железы, портальной гипертензии — спленоренального анастомоза, легочная и сердечно-сосудистая хирургия. Завершенные научные работы он оформлял как монографии. Например, «Трансплантация сердца» (1946), «Осложненный холецистит» (в соавт., 1971).

За 50 лет работы коллектива только в пульмунологической больнице, по его данным, произведено более 9 тысяч операций, защищены 6 докторских и 17 кандидатских диссертаций.

Был выполнен большой объем операций на сердце. Их количество доходило до 1000 в год. Например, в 1975—1979 годах выполнены 4852 сердечные операции.

Борис Алексеевич работал вдохновенно и выполнял большой объем тяжелых операций. В начале 1954 года его настигает непоправимое горе — умирает жена Татьяна Ивановна и оставляет Бориса Алексеевича одного с тремя маленькими детьми: Алексею — 12 лет, Святославу — 8 и Оле — 2 года. Вскоре их мать заменяет врач Нина Ивановна, которая пожалела Бориса Алексеевича, и несмотря на то, что она была на целых 20 лет моложе его, выходит за него замуж.

Как рассказывала Нина Ивановна: «Мое замужество за Борисом Алексеевичем в клинике приняли неоднозначно. Одни поздравляли, другие ревновали, а третьи спрашивали: «Правда ли, что Вы вышли замуж за Бориса Алексеевича?» Когда говорила: «Правда», то следовало удивленное восклицание: «Вы что, с ума сошли?» Трудно было мне в первое время почувствовать себя матерью сразу трех маленьких детей. Но привыкла. Помогала домохозяйка. Постепенно все наладилось. Дети выросли. Выучились на врачей. А Алексей, как и отец, стал сердечным хирургом, вырос до профессора. Я и сама защитила кандидатскую диссертацию, стала доцентом. Был набран материал на докторскую, но почему-то остановилась и весь материал выбросила. После прохождения

**Семья Б.А. Королева (слева направо):
мама Варвара Михайловна, отец Алексей Николаевич,
Борис, дедушка Николай Королев,
дядя Сережа — брат отца, и сестра Ольга.**

**Борис Алексеевич с Татьяной Ивановной
и сыновьями Алексеем и Святославом.**

подготовки в Москве стала помогать Борису Алексеви-чу в отделении врожденных пороков сердца по диагнос-тике и определению показаний к операции и в после-операционном периоде по выхаживанию детей.

Борис Алексеевич много оперировал сердечно-сосу-дистую патологию взрослых и детей. Он профессиональ-но оперировал на желудке, пищеводе и легких. Еще в 1947 году он выполнил в числе первых в России опера-цию по резекции легкого, а в 1951 году — удаление доли правого легкого.

С 1952 года, после уезда Н.Н. Блохина в Москву, он начинает заведовать кафедрой госпитальной хирургии. В январе 1955 года Борисом Алексеевичем выполнена пер-вая в России операция комиссуротомии. В эти же годы он выполнял много экспериментальных хирургических работ, начатых еще в 1950-х годах и продолженных до 1970-го года, по пересадке сердца, печени, почек. Среди них операция аллопластика сердца была выполнена в 25 случаях, пересадка печени — 40, почки — 20 и др.

В 1955 году им был перевязан открытый артериаль-ный проток.

24 марта 1960 года под общей гипотермией он вы-полнил первую операцию на открытом сердце при уши-вании дефекта межпредсердной перегородки.

Борис Алексеевич оперировал много. За годы трудо-вой деятельности им выполнено более 50 000 различной сложности операций, в т.ч. 30 000 — на сердце, из них более 5 000 операций взрослым и детям из Чувашии.

Он был активным научным деятелем. Имеет 428 опу-бликованных научных статей, в т.ч. 8 капитальных моно-графий и 25 авторских свидетельств. Им выпущены 14 сборников научных трудов. Под его руководством защи-шены 23 докторские и 67 кандидатских диссертаций. Среди его учеников 14 профессоров, в т.ч. двое его сы-новей — Алексей Борисович и Святослав Борисович — оба хирурги.

Он участник международных конгрессов, симпозиу-мов более 20 стран мира (США, Франция, Италия,

Польша, Аргентина, Чили и др.). Он действительный член РАМН, дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР, многократно депутатом Горьковского областного и городского Советов трудящихся. Правительство высоко оценило его вклад в развитие хирургии сердца и легкого в стране, присвоив ему Ленинскую премию, звание Героя Социалистического Труда, наградив двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, «За заслуги перед Отечеством» IV степени, удостоив звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Он почетный гражданин Нижнего Новгорода, мастер спорта.

Борис Алексеевич — почетный член научных обществ хирургов Москвы, Киева, Перми, Волгограда, Ижевска, Махачкалы.

У него было хобби — спорт, бег, катание на лыжах, скачки, холодное обливание, огородничество. Любил читать А.С. Пушкина, А.П. Чехова и специальную литературу. Он выписывал почти все журналы хирургического профиля, выпускаемые в СССР и ряде других стран.

По рассказам жены Бориса Алексеевича Нины Ивановны, он не любил ходить по магазинам и покупать что-либо, особенно из одежды, кроме галстуков, которые он выбирал сам. Любил своих детей, а затем и внуков.

Борис Алексеевич 7 декабря 2009 года отпраздновал свое 100-летие. Делегация из Чувашии и я не сумели съездить в Нижний Новгород и поздравить его с юбилеем в связи с тем, что оргкомитет по празднованию юбилея Б.А. Королева с учетом его возраста и состояния здоровья решил на торжество выделить всего 20—25 минут, а гости из регионов не были приглашены. И я вынужден был ограничиться посылкой поздравительной благодарственной телеграммы и личным поздравлением его с 100-летием по телефону. Мы очень сожалели, что не смогли выехать на торжество, но решение оргкомитета для нас было законом.

**Академик Б.А. Королев
и его жена Нина Ивановна. 1954 г.**

**Первые операции в кардиоцентре.
Б.А. Королев справа первый.**

**Врачи в семье: Роман — внук, Алексей — сын,
Борис — внук, Святослав — сын, Георгий — внук (хирурги),
справа от Бориса Алексеевича дочь Елена — терапевт.**

**Борис Алексеевич с сыном Алексеем
за разбором истории болезни.**

**Академик Б.А. Королев
и главный хирург
Минздрава Чувашии
Н.Г. Григорьев
на IX Всероссийском
съезде общества хирургов,
г. Свердловск.**

**Международный конгресс гастроэнтерологов.
Франция, Страсбург, 1972 г. Первый ряд слева академики
Б.А. Петров и Б.А. Королев.**

**После советско-американского симпозиума
по проблеме «Врожденные пороки сердца».
Б.А. Королев в первом ряду, второй справа.**

Академик Б.А. Королев любил лыжный вид спорта.

По словам Нины Ивановны, юбилейное торжество — заседание ученого Совета института длилось 45 минут, которые Борис Алексеевич выдержал мужественно, но после юбилейного торжества он очень ослаб, слег и больше уже не вставал. И в феврале 2010 года сердце Бориса Алексеевича перестало биться.

Чувашский народ его любил, как своего родного хирурга, спасшего более 5 000 взрослых и детей, произведя сложнейшие хирургические операции на сердце, и вечно ему благодарен.

Похоронен Борис Алексеевич в Нижнем Новгороде со всеми почестями. Земной ему поклон и вечная память.

«Он первым в СССР пересадил человеку сердце».

Н. Григорьев

**Академик Вишневский Александр Александрович
(1906—1975)**

Академик Вишневский Александр Александрович

Первым хирургом, который меня сильно заинтересовал сердечной хирургией и приложил силы, чтобы привить мне какие-то практические навыки в области кардиохирургии, в частности в диагностике и лечении митрального стеноза, был академик АН и АМН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, генерал-полковник медицинской службы, главный хирург Советской Армии Александр Александрович Вишневский — сын всемирно известного хирурга СССР, академика А.В. Вишневского.

А.А. Вишневский, будучи сыном А.В. Вишневского, долгие годы жившего в Казани и руководившего кафедрой факультетской хирургии Казанского медицинского института, ныне носящего его имя, проявил инициативу на базе клиники им. А.В. Вишневского г. Казани создать кардиохирургический центр. И будучи кардиохирургом, создать и шефствовать над ним. Идея была хорошая, и заведующий кафедрой факультетской хирургии, ученик А.В. Вишневского Иван Федорович Харитонов, и ректор Казанского медицинского института Р.А. Вяселев согласились. И Александр Александрович Вишневский предложил профессору И.Ф. Харитонову сформировать для учебы кардиохирургическую бригаду. Профессор предложил в кардиохирургическую бригаду включить доцента В.С. Гирфанова, имеющего определенный опыт в торакальной хирургии, хирурга высшей категории, меня — ординатора Н.Г. Григорьева, анестезиолога — аспиранта (почасовой) и заведующего хирургическим отделением В.Е. Савельева, имеющего достаточный опыт по даче наркотика больным при торакальных операциях. Для меня это было радостное событие, т.к. начиная с середины 50-х годов XX столетия в стране начала бурно развиваться кардиохирургия (Москва — А.Н. Бакулев, А.А. Вишневский, Ленинград — Ф.Г. Углов, Киев — А.Н. Амосов и др.) и дал согласие. После этого профессор И.Ф. Харитонов позвонил в Ленинград академику Ф.Г. Углову и попросил

принять меня к себе на кафедру для специализации по кардиохирургии. Как информировал меня профессор, Углов дал согласие принять меня в Ленинграде прямо с завтрашнего дня. И в первых числах января месяца 1963 года я уже был у академика Ф.Г. Углова.

До этих дней я уже начал знакомиться с имеющейся литературой по кардиохирургии. Восстанавливал в памяти анатомию сердца. Пошли в ход атласы, учебники, вспомнил и анатомический музей Казанского медицинского института. Практически доцент В.Г. Гирфанов и В.Е. Савельев участвовали на операциях по комиссуротомии, проводимой на базе нашей клиники в Казани академиком А.А. Вишневым. Он всерьез взялся за это дело. Начал часто приезжать в Казань и выполнять учебные операции на сердце, в частности, комиссуротомию. А я начал стажировку у академика Углова, о чем написано в очерке «Академик Ф.Г. Углов».

В Ленинграде я учился в течение трех месяцев — с января по март 1963 года, и получил основу по кардиохирургии, в частности, по разделу диагностики и лечения митрального стеноза, и определенные практические навыки по оперативному лечению митрального стеноза — комиссуротомии. Мои коллеги из кардиохирургической бригады также набирались определенного опыта по производству комиссуротомии, участвуя на операциях А.А. Вишнева.

В последующем я бывал и в Москве у А.А. Вишнева в институте хирургии им. А.В. Вишнева.

В 1947 году на базу клиники, которой руководил А.В. Вишневский, был переведен Институт хирургии АМН СССР, а в конце 1948 года после смерти А.В. Вишнева Институту хирургии присваивают имя А.В. Вишнева и перед зданием института устанавливают его памятник. А директором института назначают его сына академика А.А. Вишнева.

Много раз я присутствовал и на его операциях, и в клинике им. А.В. Вишнева в г. Казани, где я проходил тогда клиническую ординатуру. Он стремился при-

влечь к операции членов кардиохирургической бригады клиники.

Однажды, будучи в Москве в клинике, т.е. в Институте хирургии им. А.В. Вишневского, при операции А.А. Вишневского мне пришлось наблюдать и такой случай. Александр Александрович оперировал больного с дефектом межпредсердной перегородки на открытом сердце с применением аппарата искусственного кровообращения. Как сегодня помню, вдруг во время операции разъединяется трубка, соединяющая аппарат искусственного кровообращения с сосудами пациента. Мгновенно пол операционной заливается кровью. Я сильно встревожился, подумал, что вот еще пять-шесть минут и с больным придется попрощаться. Но сработали очень оперативно трансфузиологи. Моментально они аппарат залили кровью и кровозаменителями и запустили вновь. Благодаря умелым и быстрым действиям трансфузиологов трагедия миновала.

Было удивительно, что в такой критической и очень напряженной ситуации Александр Александрович вел себя очень спокойно и сдержанно. Его волнение выдавала только бледность лица. Но самое главное, он полностью доверялся знаниям и опыту трансфузиологов. Не делал никаких указаний или замечаний. Лишь остановил операцию и хладнокровно наблюдал за действиями трансфузиологов. Когда кровообращение больного было восстановлено, он спокойно продолжил операцию и завершил ее благополучно. Умылся, не вымолвив ни слова о случившемся, и лишь поблагодарил всю бригаду, участвовавшей в операции. Я тогда по-настоящему понял, какая она операция на сердце — очень ответственная и тяжелая, требующая от хирурга много сил, энергии и психоэмоциональной выдержки. Не зря же работу хирурга сравнивают с работой сталевара, а профессор социал-гигиенист Нижегородского медицинского института сказал: «Хирург во время операции испытывает такую же психоэмоциональную нагрузку, как танкист во время боя». Спустя много десятилетий этот случай в

Институте хирургии им. А.В. Вишневского в Москве описал академик Б.А. Королев из Нижнего Новгорода в своей книге «Я вспоминаю» (2000, с. 157). Оказывается, в этот день он тоже был в операционной, где оперировал А.А. Вишневский.

Александр Александрович был кардиохирургом высочайшей квалификации. Оперировал он не спеша и очень анатомично и красиво. Я запомнил его как человека выше среднего роста, с офицерской выправкой. Он всегда ходил в генеральской форме, кроме клиники, с геройской звездой на груди и множеством колодок орденов и медалей, которые занимали всю его грудь.

Голова у него всегда была начисто бритая. Иногда, не то по привычке, правой рукой проводил по бритой голове. Глаза у него были карие и блестящие. Носил всегда большие очки. Оперировал тоже в очках. Любил шутить, но при азартном смехе других сам смеялся очень редко, сохранял спокойный вид. С собеседником вел себя на равных, особенно когда оперировал или консультировал больных. Для него были характерны простота и доброжелательность, желание помочь товарищам и больному. И все это было искренне.

О его отце А.В. Вишневском я впервые услышал по радио в 1948 году, будучи учеником седьмого класса Вутабосинской семилетней школы, когда объявили: «Скончался известный советский хирург, разработавший местное новокаиновое обезболивание, академик Вишневский Александр Васильевич...»

А.В. Вишневский родился 27 августа 1874 года в дагестанском ауле Чир-Юрт Дагестанского полка 82. Он окончил Астраханскую гимназию, в 1899 году — медицинский факультет Казанского университета с «отличием» по специальности «Хирургия». После университета дважды стажировался по хирургии в Германии. Вернувшись на родину, работал на кафедре топографической анатомии. В 1903 году он защитил докторскую диссертацию, стал профессором, с 1914 года стал заведовать кафедрой госпитальной хирургии, а с 1926 по 1934 год, т.е. до отъезда

**Академик
А.В. Вишневский**

в Москву, успел подгото-
вить 18 профессоров и раз-
вил местную инфльтра-
ционную анестезию.

24 мая 1906 года в г. Ка-
зани у профессора кафед-
ры топографической ана-
томии Казанского универ-
ситета А.В. Вишневского
рождается сын Саша. В
1924 году он поступает на
медицинский факультет
Казанского университета.
На выбор профессии вра-
ча, как он вспоминал, по-
влиал отец и многие его
друзья-профессора, как
А.Н. Миславский, Б.И. Лав-
рентьев, В.С. Груздев,

А.Н. Арбузов, П.К. Горяев и др., которые бывали у них
дома в гостях.

Будущий академик А.А. Вишневский во время учебы
в университете занимается в кружках по анатомии и фи-
зиологии. Ведет серьезные научные исследования и по-
лученные данные анализирует, обобщает и оформляет
как научные статьи, печатает. Первые его научные ста-
тьи были посвящены анатомическим исследованиям, свя-
занным с разработкой местной инфльтрационной ане-
стезии по методу, предложенному отцом А.В. Вишневским.
В своих исследованиях он установил распространение ане-
стезирующего вещества (новокаина) по фасциальным
пространствам, существование которых было доказано
еще Н.И. Пироговым.

В 1929 году Александр Вишневский оканчивает Ка-
занский университет и получает диплом врача, после
чего его оставляют проректором кафедры топографичес-
кой анатомии медфакультета университета. А в 1931 году
он добровольно вступает в Рабоче-Крестьянскую Крас-

ную Армию и устраивается преподавателем кафедры нормальной анатомии Военно-медицинской академии, руководимой известным в мире анатомом В.Н. Тонковым. Одновременно работает в институте экспериментальной медицины в отделе патофизиологии и имеет тесные связи с физиологом, академиком Иваном Петровичем Павловым.

И.П. Павлов способствовал формированию у молодого врача А.А. Вишневого взгляда о роли нервной системы в развитии патологии человека. Под руководством академика И.П. Павлова Александр Александрович выпускает монографию под названием «К проблеме целостности животного организма», а также активно изучает влияние новокаиновой блокады на течение трофической язвы и контрактуры при проказе.

В 1936 году А.А. Вишневский защищает докторскую диссертацию по теме «К вопросу патогенеза и терапии проказы» и получает ученую степень доктора медицинских наук, а вскоре и профессора.

В 1939 году он выезжает как хирург на поля сражений Монголии в районе Халхин-Гола и с группой хирургов изучает действие масляно-бальзамических повязок на течение раневого процесса.

В 1940 году А.А. Вишневский участвует в Финской кампании как главный хирург армии.

С первых дней Великой Отечественной войны он участвует в действующей армии, занимая должности главного хирурга ряда фронтов, как Волховский, Брянский, Карельский и др. Он был действующим хирургом и много оперировал. Он являлся и участником Японской войны как главный хирург 1-го Дальневосточного фронта. В Японской войне участвовал и известный в Чувашии хирург Михаил Владимирович Покровский (г. Алатырь). Как он говорил: «Пришлось участвовать в боях против дивизии «смертников» в качестве хирурга полевого подвижного госпиталя, который курировал главный хирург Дальневосточного фронта А.А. Вишневский». По словам Покровского: «Бои шли тяжелые. Через госпиталь за сут-

ки проходили до 2000 раненых солдат, как наших, так и японских. Медперсонал от усталости падал с ног». Особенно много пришлось оперировать раненых А.А. Вишневскому в этой жестокой войне с Японией.

После Великой Отечественной войны А.А. Вишневский начинает работать в хирургической клинике г. Москвы, которой заведовал его отец профессор А.В. Вишневский, куда он переехал из Казани в 1934 году. В 1947 году эта клиника переводится во вновь построенный в Москве Институт хирургии АМН СССР. Директором института был назначен А.В. Вишневский, академик АМН СССР.

В этом институте А.А. Вишневский занимал должность заместителя директора по науке, одновременно выполняет работу в военном ведомстве как главный хирург Московского военного округа. А после смерти отца — А.В. Вишневского (1948), А.А. Вишневского назначают директором этого института, которому дают имя А.В. Вишневского. И институт впредь именовался «Институт хирургии АМН СССР им. А.В. Вишневского» (г. Москва).

Приступая к должности директора Института хирургии им. А.В. Вишневского, А.А. Вишневский продолжает изучение влияния местной инфилтративной анестезии на течение разных болезней, создает при институте прогрессивное анестезиолого-реанимационное отделение, лабораторию по кибернетике. Под его руководством разрабатываются логические и математические основы построения диагноза и соответственное определение тактики лечения той или иной болезни. Помню, как информировали нас, периферийных хирургов, что в Институте хирургии АМН СССР им. А.В. Вишневского создана консультативная кибернетическая лаборатория, куда при сложностях диагностики или определения тактики лечения больных, особенно при острых хирургических заболеваниях, можно обратиться за консультацией через санитарную авиацию и, сообщив о данных клиники больного и всевозможных лабораторных и других данных, можно получить точный диагноз и опреде-

ление тактики лечения в данный момент в считанные минуты. Это было чудо XX века в медицине.

На базе института он организует первоклассный ожоговый центр союзного значения и активно продолжает работу по развитию хирургии желудка, пищевода, мочевыделительной системы, легкого и особенно в области сердечно-сосудистой хирургии.

В 1956 году А.А. Вишневский был назначен главным хирургом Советской Армии. При этом он продолжал руководить Институтом хирургии АМН СССР им. А.В. Вишневского.

В 1957 году А.А. Вишневский впервые в СССР выполняет операцию Тетрады-Фалло на открытом сердце с применением аппарата искусственного кровообращения. И в этом же году производит операции на открытом сердце по замене клапанов с использованием гипотермии.

В 1960 году А.А. Вишневский за достигнутые успехи в оперативном лечении врожденных пороков сердца у детей удостоивается Ленинской премии правительства СССР. В 1966 году им был внедрен радиочастотный стимулятор мочевого пузыря при повреждениях спинного мозга с хорошим результатом. А в 1968 году, 4 марта Александр Александрович Вишневский на базе ВМА СССР им. С.М. Кирова в г. Ленинграде проводит первую в СССР операцию по пересадке сердца человеку.

В начале 70-х годов он совместно с профессором-физиологом Ф.М. Цукерманом предлагает электроимпульсную терапию для лечения нарушения ритма сердца без каких-либо лекарств, за что в 1972 году они оба получают Государственную премию СССР.

Многие работы А.А. Вишневского получили и международное признание. Он является лауреатом Международной премии И.М. Лериша. Он член многих зарубежных научных обществ хирургов таких стран, как Чехословакия, Италия, Швеция. Александр Александрович — почетный член Академии наук Германии (ГДР).

По его рекомендации в СССР в 1956 году был организован журнал «Экспериментальная хирургия и анес-

Академик А.В. Вишневский (второй слева) и Н.Г. Григорьев, главный хирург МЗ ЧАССР (первый слева) — делегаты XXIV конгресса Международного общества хирургов. Москва, 1971 г.

тезиология», которым долгие годы руководил он сам как главный редактор.

В последний раз я видел А.А. Вишневого летом 1971 года на XXIV конгрессе Международного общества хирургов в Москве, где он выступил с докладом «Некоторые возможности восстановления нарушенных функций органов с помощью имплантируемых электронных стимулирующих систем» (в соавторстве).

Александр Александрович был активным научным работником и создал свою школу. Под его руководством защищены 185 диссертаций, из них 45 докторских и 140 кандидатских. Он автор более 300 научных опубликованных работ.

Вел он и большую общественную работу. Избирался депутатом Московского городского Совета народных депутатов, Верховного Совета РСФСР, был делегатом XXI, XXIII, XXIV съездов КПСС.

Правительство страны высоко оценило его заслуги перед Отечеством, присвоив ему звание Героя Социалистического Труда (1966), наградив орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, четырьмя орденами Великой Отечественной войны I и III степеней, двумя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» и 16 медалями, а также медалями и орденами многих зарубежных стран.

Александр Александрович — действительный член АМН СССР (1957), генерал-полковник медицинской службы (1963), главный хирург Советской Армии (1956), лауреат Ленинской премии (1960) и Государственной премии СССР (1976).

Жизнь А.А. Вишневого прервалась после тяжелой болезни 19 ноября 1975 года на 69 году жизни.

Академик А.А. Вишневский (третий слева) в клинике имени отца А.В. Вишневского г. Казани с профессорами этой клиники. И.Ф. Харитонов (справа первый) и С.М. Алексеев (справа второй).

Академик А.А. Вишневский в клинике им. А.В. Вишневского г. Казани на операции (третий справа).

Академик А.А. Вишневский (слева второй) с коллективом клиники им. А.В. Вишневского г. Казани. Профессор, заведующий кафедрой И.Ф. Харитонов (справа второй), ординатор Н.Г. Григорьев (второй ряд, справа первый). 1962 г.

**Академик А.А. Вишневский готовится к операции комиссуротомии
в клинике им. А.В. Вишневского г. Казани. 1962 г.**

«Виктор Сергеевич второй после Н.И. Пирогова лауреат Демидовской премии» в области медицины.

Н. Григорьев

Академик Савельев Виктор Сергеевич

Академик Савельев Виктор Сергеевич

Не могу вычеркнуть из жизни десять лет работы главным хирургом Министерства здравоохранения Чувашской АССР под шефством главного хирурга Министерства здравоохранения РСФСР профессора (ныне академика РАМН) Виктора Сергеевича Савельева.

Впервые я с ним встретился в Москве в 1970 году на кафедре хирургии Центрального института усовершенствования врачей, руководимой известным в стране профессором Ю. Розановым, когда нас, молодых главных хирургов краев, областей и республик, пригласили на стажировку по организации хирургической службы и совершенствованию своей хирургической техники.

Виктора Сергеевича я запомнил как молодого (он был старше меня на четыре года), красивого, выше среднего роста, широкоплечего, с сединами на висках, очень энергичного, подвижного, умного, с приятным лицом человека. О его талантливой организации хирургической службы России мы, молодые организаторы этой службы в регионах, убеждались при беседе с ним, когда он рассказал нам об основных направлениях развития хирургии в стране и задачах конкретных областей, краев и республик. Познакомил с академиками и профессорами страны, которые ныне развивали отечественную хирургию в том или ином направлении. Это были академики и профессора, как А. Вишневский, Н. Амосов, Ф. Углов, Б. Королев, Е. Мешалкин, Б. Петровский, М. Кузин, Н. Калинин и другие, с которыми к этому времени я уже был знаком, а у некоторых учился. Среди них были Ф. Углов, А. Вишневский, Б. Королев.

Кроме теоретических лекций, Виктор Сергеевич для нас, стажеров, организовывал и практические показательные операции, которые выполнял сам или заведующий кафедрой хирургии ГИДУВа г. Москвы Ю. Розанов, или его сын профессор И. Розанов. Запомнил одну операцию В.С. Савельева — удаление петли толстого кишечника, пораженного раком. Оперировал он анатомично и

Молодые главные хирурги краев, областей и республик РСФСР на курсах усовершенствования по хирургии при ЦОЛИУ врачей г. Москвы. Профессор Ю. Розанов (первый ряд, четвертый справа), заведующий кафедрой хирургии, его сын профессор И. Розанов (справа второй), главный хирург Минздрава ЧАССР Н. Григорьев (первый ряд, первый слева).

быстро. Вроде бы он делает все так же, как делаю я, но он продемонстрировал совершенно новый, неизвестный ранее в хирургии вид операции толстого кишечника: концы оставшейся части толстой кишки соединил однорядным непрерывным швом, против известного нам трехрядного узлового шва. Я переживал, что на 6—7 сутки шов на кишечнике разойдется и разыграется воспаление брюшины. Ничего подобного не произошло, больной поправился и благополучно выписался домой. Казалось бы, здесь ничего нового не предложишь, а вот он придумал. Интересна была и его вторая операция — селективная ваготомия, т.е. выборочное иссечение ветвей блуждающего нерва при оперативном лечении язвенной болезни двенадцатиперстной кишки.

Виктор Сергеевич был талантливым учеником академика АН и АМН СССР, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий Александра Николаевича Бакулева. А.Н. Бакулев был первым организатором в СССР Института сердечно-сосудистой хирургии, которым руководил долгие годы. И при жизни Александр Николаевич Бакулев руководимый им институт передал своему молодому тогда ученику, 37-летнему профессору Виктору Сергеевичу Савельеву.

Представляет большой интерес письмо-завещание академика Бакулева, где говорится: «Только в случае избрания В.С. Савельева руководителем клиники я могу быть уверен, что дело, которое было начато в стенах 2-го МГМИ им. Н.И. Пирогова академиком С.И. Спасокукоцким и продолжено мной, будет также усиленно развиваться». И в 1967 году ученый Совет института выбирает его заведующим кафедрой, и А.Н. Бакулев доверяет свою клинику еще при своей жизни молодому профессору В.С. Савельеву, которому не было еще и сорока лет. Бакулев не ошибся в выборе. В этом же 1967 году В.С. Савельев избирается членом-корреспондентом АМН СССР, а в 1974 — действительным членом. С 1997 года он академик Российской академии наук.

У Виктора Сергеевича я бывал в его клинике факультетской хирургии не один раз, как по долгу службы — в качестве главного хирурга Минздрава Чувашии, так и по вопросам своей докторской диссертации. Всегда он принимал меня хорошо и не отпускал без кофе. Однажды я решил с ним проконсультироваться, как с председателем ВАК по докторской диссертации. И он дал мне очень полезный совет, что диссертацию следует усилить по хирургической части, что я и сделал. Работу усилил экспериментальными и клиническими исследованиями по оперативному лечению осложненного хронического холецистита со стенозом большого дуоденального сосочка и тяжелой формой желтухи с применением специальных инструментов, утвержденных пятью изобретениями с уменьшением послеоперационной летальности в 3,5 раза. Работа была успешно защищена. И при встрече после защиты докторской диссертации Виктор Сергеевич мне сказал: «Николай Григорьевич, я Вас поддержал и работу утвердил». Я ему был очень благодарен.

Виктор Сергеевич Савельев хирургической службой России руководил 38 лет.

Он родился 24 февраля 1928 года в селе Пахатный Угол Бондарского района Тамбовской области. Его отец Савельев Сергей Дмитриевич 1904 года рождения, а мать Савельева Ольга Кузьминична родилась в 1909 году. После окончания средней школы в 1945 году он поступает во 2-й Московский медицинский институт с твердым уже намерением стать хирургом. Будучи студентом третьего курса, он приходит в хирургическую клинику 1-й городской клинической больницы имени Н.И. Пирогова, где встречается впервые со своим будущим учителем великим Александром Николаевичем Бакулевым. После окончания института с 1951 года В.С. Савельев начинает работать ординатором этой хирургической клиники, а затем ассистентом кафедры факультетской хирургии, руководимой А.Н. Бакулевым.

Вспоминая свои студенческие годы, В.С. Савельев говорил: «Будучи студентом четвертого курса, я всерьез влюбился в студентку своего потока Галю и считал: женщины мудрее нас, мужчин. У них особый дар незаметно делать из нас то, что считают нужным. Правда, если это настоящая, нормальная женщина, а не вздорная бабенка. Мы с ней родились в один год, в один месяц да в один день. Я не из красавцев (а Галя моя — красавица, умница), обхаживал ее долго. По-моему, труднодоступные умные женщины более любимы. Галя — мой дом, мой очаг, мой уют, заботливая, нежная жена. А ведь она тоже академик. Она сама без моей помощи стала ведущим ученым в акушерстве и гинекологии. Меня иногда спрашивают: «Как уживаются под одной крышей два академика, два руководителя?» Я им отвечаю очень просто: «Дома нет академиков. Дома есть муж и есть жена. Мы вместе пережили страшное горе — смерть единственного сына-профессора Сергея. Выстояли, потому что были вместе. Слабому полу всегда труднее, чем мужчинам: мужчина должен на себя брать часть домашних забот, тогда в семье — мир и покой. Моя Галя не знает, сколько платить за кварплату, свет, газ, где прачечная, химчистка. Все это мои проблемы».

Галина Михайловна Савельева — лауреат Государственной премии СССР и Правительства Российской Федерации, академик РАМН, доктор медицинских наук, профессор.

Виктор Сергеевич обладает неутомимой энергией исследователя и является постоянным искателем нового в области хирургии.

В 1954—1956 годах у В.С. Савельева появляются первые научные труды, посвященные изучению нарушений внешнего дыхания и сердечной деятельности при пневмоэктомии, и находит важные закономерности их изменения и предлагает методы профилактики. И все это излагает в 1969 году в монографии «Нетуберкулезный спонтанный пневмоторакс» (в соавторстве).

**Академик В. Савельев
и его жена академик Г. Савельева.**

Им много сделано в области развития отечественной кардиохирургии. Еще в 1957 году он в числе первых в СССР произвел закрытую комиссуротомию при аортальном стенозе, разработал метод экстракорпорального кровообращения без заполнения аппарата донорской кровью.

Под руководством В.С. Савельева созданы принципиально новые модели водителей ритма и внесен большой вклад в решение проблемы хирургического лечения полной атриовентрикулярной блокады сердца. Он впервые в стране произвел операции протезирования бифуркации аорты и безымянных артерий.

В 60-е годы XX столетия им был написан ряд работ, посвященных хирургическому лечению аневризм аорты.

В 1970 году он издает монографию «Эмболия бифуркации аорты и магистральных артерий конечностей». В эти же годы Виктор Сергеевич вместе со своими учениками издает монографию «Острая непроходимость бифуркации аорты и магистральных артерий конечностей». В.С. Савельев в 1975 году за большой вклад в решение проблем хирургии аорты и ее ветвей удостоился Государственной премии СССР. Неоценим вклад академика Савельева и его учеников в флебологию, что было изложено им в 1972 году в монографии «Болезни магистральных вен», которая ныне для хирургов, особенно молодых, является настольной книгой.

В 1979 году он выпускает другую монографию «Тромбоэмболия легочной артерии», а в 1990 г. — «Массивная тромбоэмболия легочных артерий», и с авторским коллективом (он как руководитель) в 1992 году получает Государственную премию Российской Федерации.

В.С. Савельев — талантливый ученый и универсальный хирург. Он одинаково хорошо оперирует на органах брюшной полости — на желудке, пищеводе, желчевыводящих путях, поджелудочной железе, на сердце, артериях и венах. Он в числе первых начал в СССР выполнять и пропагандировать при хирургическом лечении язвенной болезни двенадцатиперстной кишки селектив-

Академик В. С. Савельев выступает с докладом на XXIV конгрессе Международного общества хирургов. Москва, 1971 г. Фото автора.

Академик В. С. Савельев на операции.

ную ваготомию. Его книга «Руководство по неотложной хирургии органов брюшной полости» выдержала три издания (1976, 1986, 2004).

Много сил он вложил в развитие эндоскопической службы в стране. В числе первых монографий по эндоскопии в стране были его «Эндоскопия органов брюшной полости» (1977) и «Руководство по кишечной эндоскопии» (1985). Он является одним из авторов изобретения плазменного скальпеля, показав его преимущество при операциях на печени, селезенке. Он доказал преимущество этого скальпеля и при операциях на желудке и толстом кишечнике.

Виктор Сергеевич Савельев известен в стране и зарубежом как талантливый ученый, хирург профессионал высочайшего класса и крупнейший организатор здравоохранения в области хирургии. Он создал свою большую хирургическую школу. Им подготовлены 74 доктора и более 300 кандидатов медицинских наук. Имеет более 500 научных работ, в т.ч. 9 монографий. Созданная им хирургическая школа вот уже почти 40 лет занимает передовые позиции в российской и мировой медицине, в частности, в области хирургии сердечно-сосудистой системы и др.

В 2003 году Виктор Сергеевич вторым после Н.И. Пирогова становится лауреатом престижной Демидовской премии.

В.С. Савельев всегда вел большую общественную работу. Он председатель научного общества хирургов России, президент Российской ассоциации флебологов, почетный член многих научных обществ хирургов страны и зарубежом, главный редактор журнала «Грудная и сердечно-сосудистая хирургия».

В 1988 году ему присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Он награжден орденами Трудового Красного Знамени (1973), Ленина (1978), «За заслуги перед Отечеством» IV степени (1996) и III степени (2003) и многими медалями.

Ныне Виктору Сергеевичу 84 года. Он еще чувствует себя бодро и по-прежнему полон сил. Любит шутить. Я очень благодарен Виктору Сергеевичу за оказанную мне помощь в науке. В освоении сложных хирургических операций и в организации и развитии хирургической службы республики, кураторством надо мной как главным хирургом Чувашии в течение десяти лет.

Содержание

От автора	3
Предисловие	5

Глава 1. МОИ ШКОЛЬНЫЕ УЧИТЕЛЯ	6
--------------------------------------	----------

Глава 2. МОИ УЧИТЕЛЯ В БОЛЬШОЙ ХИРУРГИИ И НАУКЕ

Кузнецов Игнатий Максимович	45
Профессор Харитонов Иван Федорович	59
Академик Швалев Вадим Николаевич	77
Академик Углов Федор Григорьевич	105
Академик Королев Борис Алексеевич	125
Академик Вишневский Александр Александрович	141
Академик Савельев Виктор Сергеевич	155

Николай Григорьевич ГРИГОРЬЕВ

**МОИ ДОРОГИЕ
УЧИТЕЛЯ**

Редактор *Ю.С. Семендер*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Верстка *Э.В. Кирилловой*

Подписано в печать 16.07.2012. Формат 60x84¹/₁₆.
Гарнитура Times. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Физ. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 7,7. Заказ № К-268. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ИП Сорокина А.В. «Новое Время».
428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Мичмана Павлова, 50/1.
Тел.: (8352) 41-27-98, 41-17-87. E-mail: newtime1@mail.ru.

